

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 473-493
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.473

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

"Persian Arabesques" by I.J. Korostovetz about the Anglo-Russian Confrontation in Persia, 1913–1917

Nugzar K. Ter-Oganov ^{a, b, *}

^aTel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^bCherkas Global University, Washington, USA

Abstract

This article provides an analysis of the Anglo-Russian confrontation in Persia, as well as the policy of tsarist Russia towards this country for the period 1913–1917 through the lenses of political memoirs of the famous Russian diplomat, the Extraordinary Envoy and Plenipotentiary minister in that country, Ivan Jakovlevich Korostovetz' "Persian Arabesques".

Of greatest interest is that part of the recollections in which their author appears before us as not only an active participant, but also as the creator of Russian politics in Persia. It covers his diplomatic activities in Persia in 1913–1915, during which, despite the efforts of the Foreign Ministers of Russia and England to smooth out the sharp corners in bilateral relations, especially after the outbreak of the World War I (1914–1918), the Anglo-Russian contradictions extremely aggravated.

According to I.J. Korostovetz, he himself was to a large extent responsible for the deterioration of these relations. Moreover, all this happened against the background of the activity of the Turkish-German agents in Persia and their close alliance with the Persian nationalists, who complicated the life of the Russian and British diplomatic missions to the limit and threatened the interests of these countries.

In the same part, the author of the memoirs tells about his dismissal in April 1915 from the occupied post by the Russian Foreign minister S.D. Sazonov, and how after few months, he got an appointment as a Manager of the Loan and Account Bank of Persia in Petrograd.

Recollections of I.J. Korostovetz represent a critical rethinking of the foreign policy of tsarist Russia, accompanied by the traditional confrontation with England for dominance in Persia. Moreover, comparing the policies of Russia and England in this country, the author of the memoirs comes to the disappointing conclusion that the Persians were more disposed towards England than towards Russia because of the more aggressive policy of the latter.

Keywords: I.J. Korostovetz, W. Townley, S.D. Sazonov, Russian politics in Qajar Persia during the WWI, Anglo-Russian relations, the Loan and Account Bank of Persia.

1. Введение

Иван Яковлевич Коростовец, благодаря своей плодотворной деятельности в странах Востока, оставил заметный след в истории русской дипломатии. Где бы он ни служил, будь то в Китае, Монголии или Персии, И.Я. Коростовец везде жестко отстаивал политико-экономические интересы монархической России, что нашло отражение в его опубликованных и неопубликованных работах¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N.K. Ter-Oganov)

¹ С биографией и основными вехами дипломатической деятельности И.Я. Коростовца, а также его работами можно ознакомиться в наших статьях [Ter-Oganov, 2021](#), а также: [Dudin, 2017: 274-284](#); [Батсайхан, 2018](#); [Хохлов, 2012](#).

Один из острейших периодов его жизни и дипломатической деятельности связан с работой на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра в Персии с октября 1913 г. по апрель 1915 г. Там он показал себя чрезмерно принципиальным человеком, что не пришлось по душе российскому МИД, искавшему большего взаимопонимания с Англией. Вот как характеризует Коростовца в своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» его бывший подчиненный, воспитатель Солтана Ахмад-шаха Каджара (1909–1925) штабс-капитан К.Н.Смирнов: «Безусловно, это был человек большого ума, и его должны были бы использовать в России на соответственном поприще, хотя бы и в области международной политики, но назначение его в Персию посланником при его качествах характера было большой ошибкой Министерства иностранных дел» (Смирнов, 2012: 41).

Сложные перипетии его напряженной работы в этой стране, особенно в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.), нашли отражение в его политических мемуарах «Персидские Арабески», чей английский перевод Роберта Гудлета в машинописном виде был любезно предоставлен нам для исследовательской работы правнуком И.Я. Коростовца господином Карло Гастоне. Он обратился ко мне с предложением написать предисловие к итальянскому переводу «Персидских Арабесок», что я и исполнил (Ter-Oganov, 2021: 19–60).

2. Материалы и методы

Основным источником при написании данной статьи послужили политические воспоминания И.Я. Коростовца «Персидские Арабески», в которых сделан акцент на англо-русское противоборство в Персии как в период Первой мировой войны, так и после нее вплоть до конца третьей декады XX века.

Между прочим анализ политики России в Персии на фоне англо-русского противостояния в этой стране в период пребывания Коростовца на посту чрезвычайного посланника (1913–1915 гг.) нашел отражение и в докладной записке И.Я. Коростовца «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам», составленной им 15 (28) мая 1915 г., то есть ровно через месяц после его вынужденного отъезда из Тегерана (Коростовец, 1934: 93–117). Сравнивая содержание этой записки с «Персидскими Арабесками», нельзя не заметить одну существенную разницу: если в «Записке» при оценке русской политики в Персии Коростовец выставляет себя в качестве принципиального ее защитника, то в «Персидских Арабесках» мы имеем дело с ретроспективным, неофициальным, и поэтому объективным анализом тех же событий, о которых он уже докладывал в своей «Записке». Фактически «Персидские Арабески» – это переосмысление «персидского опыта» или отчет перед своей совестью. При работе над материалом нами была использована литература, имеющая отношение к данному вопросу.

3. Обсуждение и результаты

«Персидские Арабески», особенно их первая часть, охватывающая события 1913–1917 гг., в которых И.Я. Коростовец выступает в качестве не только участника, но и творца англо-русских отношений в Персии как до начала, так и в период Первой мировой войны, заслуживает наибольшего внимания.

В воспоминаниях И.Я. Коростовца «Персидские Арабески» нашла отражение его дипломатическая деятельность как в самой Персии, так и в России вплоть до его отъезда в эмиграцию. Следует заметить, что, даже находясь за границей, И.Я. Коростовец продолжал интересоваться происходившими в Персии событиями, связанными с эпохальными переменами в стране, а также советско-персидскими отношениями.

Что касается авторства политических мемуаров «Персидские Арабески», следует заметить, что, наряду с их автором, в составлении продолжения воспоминаний с 1919 до начала 30-х годов XX в. принимали активное участие бывший второй секретарь российской дипломатической миссии в Тегеране Константин Константинович фон Таубе¹ и один из сыновей И.Я. Коростовца – Флавиус Коростовец.

Следует заметить, что автор воспоминаний, хотя и не соблюдает четкого хронологического порядка при изложении тех или иных событий, тем не менее обсуждаемые им вопросы русской политики в Персии и англо-русских отношений, несомненно, содержат ценнейший материал для исследования истории русской дипломатии в этой стране, особенно в период Первой мировой войны. Воспоминания состоят из двух томов: объем первого – 150 страниц машинописного текста, второго – 180, количество глав – 26.

Первый том воспоминаний начинается приездом И.Я. Коростовца в Тегеран и знакомством со страной. В первой же главе дается описание столицы Персии и традиционная, общая характеристика образа жизни персов. Здесь же, впервые в русской историографии, можно встретить редкое описание

¹ К.К. фон Таубе был сыном выдающегося российского криптографа, возглавившего в канун Февральской революции шифровальную часть имперского МИД. К.К. фон Таубе находился в составе русской миссии в Персии при И.Я. Коростовце в качестве секретаря, а при его преемнике Н.С. фон Эттере стал ее вторым секретарем (Российский, 2019: 1).

здания и сада российской дипломатической миссии в Тегеране и ее сравнение с английской миссией. Сравнение, скажем, явно не в пользу российской миссии.

Как пишет И.Я. Коростовец: «Для полуазиатской страны, какой являлась Россия, здание и меблировка миссии были наглядной ее иллюстрацией» (Korostovetz, Vol. I: 12). Настолько убогим, не соответствующим статусу России показалось здание российской миссии И.Я. Коростовцу, что он удивлялся тому, как его предшественник, посланник С.А. Поклевский-Козелл, не жалевший средств и любивший роскошь¹, мог мириться с таким окружением, тем не менее хвалил удачное месторасположение российской летней резиденции в Зарганде.

Камни преткновения в англо-русских отношениях в Персии перед началом Первой мировой войны

Следует заметить, что центральное место в «Персидских Арабесках» занимает вопрос об англо-русском протистоянии в Персии, а именно кардинальные расхождения во взглядах и политических позициях российского посланника И.Я. Коростовца и его английского визави – сэра Уолтера Таунли. Они дают ответ на вопрос, почему И.Я. Коростовец при решении стоявших перед ним проблем, как правило, занимал жесткую позицию в отношении Уолтера Таунли. Его линия поведения и то, к чему она его привела, со всей наглядностью продемонстрирована в его воспоминаниях. Тем не менее при характеристике личности английского посланника автор воспоминаний проявляет чрезвычайную объективность. И.Я. Коростовец дает ему положительную оценку и считает его «человеком мира, достойным по своим манерам и поведению, будучи дипломатом с большим опытом, хотя еще и молодым» (Korostovetz, Vol. I: 24).

По свидетельству И.Я. Коростовца, ранее У. Таунли работал в качестве секретаря английской миссии и был очень хорошо знаком с персидским окружением, много путешествовал по стране и имел много друзей среди вождей кочевых племен². Он владел персидским и арабским языками. Автор воспоминаний признает, что «в самом начале благодаря его симпатии и дружбе, его отношения с Уолтером Таунли были самыми сердечными и искренними. Однако они испортились из-за разницы в интерпретации англо-русского соглашения, а также некоторых других факторов, о которых пойдет речь далее» (Korostovetz, Vol. I: 24-25).

Автор воспоминаний уделяет особое внимание рассмотрению англо-русского соглашения 1907 г.³, приводя его полный французский текст, и дает его оценку. По убеждению автора, в сфере русско-персидских отношений это соглашение сыграло негативную роль, поскольку настроило шахское правительство против России (Korostovetz, Vol. I: 28). Квинтэссенция взгляда автора заключается в том, что англо-русское соглашение гарантировало Великобритании недопущение активной политики со стороны России в отношении не только самой Персии, но и соседствующих с Индией стран (Korostovetz, Vol. I: 33-34). Но с точки зрения английской историографии, данное соглашение было направлено «на устранение причин антагонизма между двумя историческими противниками» (The Cambridge History, Vol. III: 358). Рассуждая об англо-русском соглашении по Персии, не следует забывать и о том, что за формальной фразеологией в преамбуле соглашения о защите сторонами территориальной целостности и независимости Персии скрывалось намерение физического раздела этой страны на зоны влияния, что фактически означал потерю Персией государственного суверенитета (Great Britain, 1972. Vol. I: 534). Публикация этого документа уже 4 сентября 1907 г. «произвела самое тягостное впечатление на персидский народ» (Shuster, 1912: XXIV).

Согласно автору, подписание данного соглашения не стерло из памяти традиционное, культивируемое с обеих сторон недоверие друг к другу, что особенно проявилось во время обсуждения сторонами проекта строительства трансперсидской железной дороги⁴, когда учитывалось мнение не только правительства Англии, но и индийской администрации, имевшей более колонизаторские цели в отношении юга Персии.

¹ С.А. Поклевский-Козелл был известен своим гостеприимством и тем, что радушно принимал в миссии и представителей европейской колонии. Хотя он был известен как англофил, тем не менее, как отмечает К.Н. Смирнов, «он старался, насколько возможно, не умалить русского значения в Персии» (Смирнов, 2002: 41).

² Следует заметить, что, в отличие от И. Коростовца, противоположного мнения придерживался сотрудник английской дипломатической миссии в Тегеране Дж. Гарнет, согласно которому, У. Таунли не обладал достаточными знаниями о Персии, которым обладал его предшественник, английский посланник Дж. Барклай (Fisher, 2012: 112).

³ Это соглашение стало предметом изучения со стороны многих исследователей как зарубежных, так и русских, начиная от авторов первой декады XX в. и до настоящего времени. (Зиновьев, 1912; Скиф, 1912; Пашуканис, Том 2–3. 1935: С. 3-39; Сергеев, 2008: 80-93; Тер-Оганов, 2015: 158-178).

⁴ Вопрос строительства железной дороги в Персии превратился в одну из острейших проблем в англо-русских отношениях в этой стране. История данного вопроса берет начало с 1890 г., когда Россия наложила вето на строительство железной дороги в Персии сроком на десять лет, а по истечении этого срока продлила его еще на десять лет (Царская дипломатия..., 1926: 12; Попов, 1924: 139-147).

И.Я. Коростовец с горечью отмечает, что в тех случаях, когда возникало трение между Россией и Англией на почве «персидского вопроса», то это не только не находило отклика в Петербурге, но иногда умышленно игнорировалось, и все это объяснялось нежеланием нарушать существующую гармонию между Англией и Россией и, следовательно, не выставлять грязное белье перед взором публики (Korostovetz, Vol. I: 43).

Примечательно, что перед отъездом в Тегеран осенью 1913 г. И.Я. Коростовец, как это было положено, обратился за инструкциями к тогдашнему министру иностранных дел С.Д. Сазонову, однако, к его удивлению, тот ограничился лишь коротким ему советом «быть в хороших отношениях с англичанами», а затем добавил: «Постарайся соблюдать наши интересы», но вместе с тем порекомендовал встретиться для консультаций с находившимся тогда в Санкт-Петербурге влиятельным российским послом в Лондоне А.С. Бенкендорфом (Korostovetz, Vol. I: 43).

То, что услышал от него Коростовец, было своего рода жутким предсказанием будущего Российской империи. Содержание этой беседы с графом Бенкендорфом, изложенное в подробностях, раскрывает не только суть русской политики в Персии, но и потрясает читателя неутешительным, мрачным прогнозом, а точнее пророчеством о мрачном будущем Российской империи, представленным дальновидным Бенкендорфом. Между прочим, он предсказал и пагубные последствия мировой войны для России, которые могли привести ее к революции! «Я вижу, – сказал Бенкендорф И.Я. Коростовцу, – революцию русского типа, наподобие пугачевщины, только более организованную и в широком масштабе» (Korostovetz, Vol. I: 47). Из беседы следовало, что он прекрасно разбирался не только в европейских делах, но и хорошо знал о том, что происходило в самой России.

Между прочим, анализируя положение в России, Бенкендорф делает жуткий, просто пророческий прогноз: «Революционная пропаганда снизу, анархия и безразличие властей сверху. Все это, взятое вместе, достаточно для раскола самого крепкого организма. Наша система государственного управления продолжает идти по инерции и традиции, но жесткий удар будет достаточным для его основательного разрушения. Я не знаю, какую конкретную форму примет русская революция, но скорее всего – самую неожиданную: «узурпацию власти, грабежи, кражи и захват частной собственности или крайне экстремистские социальные эксперименты на современной основе», – и добавил: «Я предпочел бы не находиться в то время в России» (Korostovetz, Vol. I: 47).

Следует отдать должное честности и объективности Коростовца, когда он, сравнивая отношение Англии и России к Персии, подытоживает: «Следует признать, что позиция Англии в Персии была более подходящей с политической и моральной точек зрения. Что касается русских и их деятельности, то они смотрелись с недоверием и предубеждением, что было достаточно естественно», поддержанным исторической памятью персов, не забывших об аннексии Восточного Закавказья Россией (Korostovetz, Vol. I: 38-39).

Вместе с тем близкое знакомство с политикой Персии, а также личные наблюдения дают ему возможность обсуждать вопрос об «англофильстве» или «русофильстве» персов. Коростовец справедливо замечает, что эти определения, имевшие хождение в ту эпоху, на самом деле были лишены смысла, поскольку персы свободно меняли свое предпочтение, но в реальности они всегда оставались патриотичными «персофилами»¹.

Особый интерес представляют размышления автора воспоминаний вокруг тех вопросов, которые вызвали негативную реакцию не только со стороны англичан, но и самих персов. Это были вопросы, связанные как с необходимостью реформирования Персидской казачьей бригады², так и с требованием вывода русских войск из Северной Персии, находившихся там с 1911 года. Следует заметить, что Персидская казачья бригада всегда, особенно после бомбардировки ею персидского парламента – меджлиса 23 июня 1908 г., воспринималась персами как чужеродное тело, не служившее даже в качестве надежной охраны шаха, причем персы не забыли о том, как однажды она уже оставила шаха в час испытаний³. Одним словом, персы не испытывали никакого доверия к

¹ Между прочим, вся история Персии XIX–XX вв. является яркой иллюстрацией того, как правители Персии использовали англо-русское противостояние для выживания собственного государства. Ведь недаром в своей статье американский исследователь иранского происхождения Манучехр М. Эскандари-Каджар охарактеризовал положение Персии при каджарах как государства, находившегося между "Сцилой и Харибдой" (Eskandari-Qajar, 2008). Кстати, об этом пишет и Коростовец, когда характеризует политику Реза-шаха Пехлеви в отношении Англии и Советского Союза, между которыми ему постоянно приходилось лавировать.

² Персидская казачья бригада, организованная в Тегеране русским офицером Генштаба подполковником А. Домантовичем, хотя и финансировалась за счет государственного бюджета Персии, за все время своего существования находилась в прямом подчинении российского Военного министерства. Подробнее о ее военно-политической истории можно узнать из нашей работы (Тер-Оганов, 2012).

³ Имеется в виду позорное, можно сказать, умышленное бездействие «Шахской бригады» во время наступления персидских революционеров на Тегеран в июле 1909 г., капитуляция русского

ПКБ в отличие от шведской жандармерии (Korostovetz, Vol. I: 73-75). Как известно, Коростовец был против как увеличения численного состава шведской жандармерии, так и дислокации ее частей в зоне русского влияния. Вместе с тем для решения проблемы Персидской казачьей бригады и жандармерии он предложил разделить территориально сферы их деятельности: ПКБ предоставить северные районы Персии, нейтральную и южную сферы влияния – жандармерии, однако это предложение было аргументированно отклонено с ссылкой на существовавшее между шведами и русскими историческое недоверие (Korostovetz, Vol. I: 75).

Следует напомнить, что Коростовец обещал вывод русских войск сразу после демаркации турецко-персидской границы, работу которой со стороны русской комиссии курировал ее комиссар В.Ф. Минорский, в будущем известный русский востоковед. Автор воспоминаний рассматривает вопрос о требовании персидской стороны сместить с должности губернатора Азербайджана¹ Шоджа од-Доуле, пользовавшегося полной поддержкой России. По замечанию Коростовца, поддержка последней справедливо воспринималась персидской стороной как нарушение ее суверенных прав.

Согласно автору, одним из спорных вопросов англо-русских отношений в Персии был вопрос Исфагана. Хотя Исфаган находился в сфере русского влияния, тем не менее английская дипломатия старалась установить там свое влияние. Особое негодование англичан вызывал тот факт, что после передачи управления над недвижимым имуществом крупнейшего феодала провинции Фарс, некогда могущественного Зилли-Султана, рускоподданному вице-консулу Каверу, фактически Россия усилила свое влияние в этом районе. Английский посланник Уолтер Таунли считал, что поскольку в этом районе английские интересы были более значительными, чем российские, то, следовательно, сторонам следовало найти компромисс. Одним словом, Исфаган представлял большой интерес как для русских, так и для англичан. Когда же русский Учетно-ссудный банк Персии² стал требовать от шахского правительства концессию на орошение земель в исфаганской провинции, то английская миссия резко воспротивилась этому. В результате вопрос так и остался нерешенным до апреля 1915 года (Korostovetz, Vol. I: 77-79), то есть до отзыва И.Я. Коростовца из этой страны.

Как выясняется, одним из центральных вопросов, ставших предметом ожесточенного спора между Коростовцем и Таунли, был вопрос о незаконном взимании русскими *малиата* в северной сфере влияния. Следует заметить, что этот вопрос был тесно связан с регуляцией вопросов, имеющих отношение к персидским закладам или ипотекам в Учетно-ссудном банке, а также с вопросом о снабжении персидского правительства серебром и выплатой поземельного налога *малиата* и других налогов в этот банк, собираемых в Северной Персии. По признанию Коростовца, урегулировать все эти вопросы с главным казначеем, бельгийцем Морнаром, было бесполезно, поскольку он был тесно связан с находившимся под управлением англичан Шахиншахским банком. Коростовец подробно описывает характер деятельности этих банков (Korostovetz, Vol. I: 80), отмечая, что английский банк хотел сохранить за собой эксклюзивное право на ведение финансовых операций в Персии. Из воспоминаний мы узнаем об отношениях шаха с Шахиншахским и Учетно-ссудным банком, причем он характеризует отношение персов к русскому банку как отрицательное, поскольку, по их утверждению, он управлялся русской миссией (Korostovetz, Vol. I: 87-88).

Автор воспоминаний затрагивает один из самых острых вопросов как в англо-русских, так и в русско-персидских отношениях – свежую проблему так называемого «русского землевладения» в Персии. По сути дела, с юридической точки зрения, появление «русского землевладения» было нарушением пятой статьи Туркманчайского мирного договора, согласно которой, русским запрещалось обладать, а также брать в аренду землю в Персии (Korostovetz, Vol. I: 91). Таунли справедливо указывал Коростовцу на то, что продвижением «русского землевладения» Россия фактически стремилась к колонизации русскими северной части Персии, в частности Азербайджана и Астрабадской провинции (Korostovetz, Vol. I: 92), что, между прочим, соответствовало правде (Бессонов, 1915).

Представляется интересным та часть воспоминаний, где Коростовец приводит содержание телеграммы российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, датированной последними числами марта 1914 года, то есть через три месяца после его приезда в Персию, в которой он, со ссылкой на частный источник информации, приписывает Коростовцу заявления относительно намерения России по аннексии персидской провинции Азербайджан и по изменению англо-русского соглашения к выгоде России. Несмотря на то, что С.Д. Сазонов все-таки допускает недостоверность

командира бригады полковника Ляхова, в результате которого российскому протезе Мохаммаду Али-шаху (1907–1909 гг.) пришлось отречься от трона.

¹ Здесь и далее автор имеет в виду иранскую провинцию Азербайджан – примечание Н.К. Тер-Оганова.

² Учетно-ссудный банк Персии, организованный в 1891 г. Яковом Поляковым, с 1894 г. стал фактически управляться российским Министерством финансов и со временем превратился в мощный финансово-экономический инструмент царской России в Персии (Ананьич, 1962: 274-314; Павлова, 2017; о негативной роли Учетно-ссудного банка в финансово-экономическом положении Персии смотри (Дехканнежад, 1988: 15-32) (на персидском яз.).

полученной информации, тем не менее предупреждает Коростовца о необходимости соблюдения крайней осторожности в отношениях с сэром Уолтером Таунли во избежание трений с Англией по персидским вопросам (Korostovetz, Vol. I: 97-98). Исходя из своего близкого знакомства с «внутренней кухней» российского МИД, выдвинутые против него обвинения Коростовец объясняет действиями «клики Сазонова» и «бюрократическими интригами» его ведомства. С другой стороны, по его утверждению, сам факт его назначения в Тегеран «создал тревогу среди самых националистически настроенных персов» (Korostovetz, Vol. I: 99). Тем не менее Коростовец там же признается в том, что его объяснения были беспочвенными и нечистосердечными, поскольку он изначально был противником англо-русского соглашения 1907 года.

Хотя Коростовец во время своего общения с Уолтером Таунли пытался убедить его в бесполезности и даже ущербности антирусской политики в Персии, указывая на то, что для персидских националистов и патриотов якобы как англичане, так и русские были нежеланными гостями, тем не менее признается в том, что все же «радикалы и молодые персы отдавали предпочтение англичанам» (Korostovetz, Vol. I: 100). Со своей стороны Таунли не соглашался с доводами Коростовца и утверждал, что персы боялись России и презирали русскую политику, как политику «реакции и самоуправства, направленные на порабощение их страны, но проявляли симпатии к Англии, установившей конституционную систему в Персии» (Korostovetz, Vol. I: 100).

Воспоминания Коростовца дают представление о том, как процесс подбора кандидатов в кабинет министров в Персии постоянно вызывал трения между английским и русским миссиями, потому что каждая из сторон предлагала приемлемый для себя состав будущего правительства.

Следует заметить, что среди тех, кто оппонировал Коростовцу, кроме собственно английской миссии, были Шахиншахский банк, бельгийские таможенные чиновники, главный казначей Персии бельгиец Морнар, инструкторы «шведской» жандармерии, а также германский и французский посланники (Korostovetz, Vol. I: 104). По утверждению автора воспоминаний, «к заговору присоединились все, кто не был доволен преобладанием России». Причем Таунли был раздражен потому, что Коростовец назвал англо-русскую конвенцию о разделе сфер влияния 1907 г. – фикцией (Korostovetz, Vol. I: 104). У других дипломатических миссий также были свои резоны быть недовольными поведением Коростовца.

По замечанию автора «Персидских Арабесок», персы радовались, наблюдая за растущим охлаждением англо-русских отношений, рассчитывая на их полное расстройство и подбавляли топливо в пламя, надеясь тем самым ослабить иностранное влияние (Korostovetz, Vol. I: 105). Надо отдать должное честности и объективности Коростовца, признавшего свою роль в ухудшении англо-русских отношений: «Я должен признаться, – пишет он откровенно, – что значительная доля вины за конфликт с британцами и персами лежит на моих плечах» (Korostovetz, Vol. I: 106). И добавил с сожалением: «Если бы с самого начала показал бы больше сдержанности и пассивности, даже инертности, без сомнения, я был бы оставлен в покое и смог бы предвидеть будущее, как это сделали некоторые мудрые люди, предсказавшие надвигающиеся жестокости» (Korostovetz, Vol. I: 106).

Коростовец объясняет, почему еще до его приезда в Тегеран там распространился слух, исходящий от его «друзей» из Петербурга о его деятельности в Монголии, согласно которому, эта страна отделилась от Китая благодаря заключенному им в 1912 году соглашению¹, и что якобы «он послан в Персию для ликвидации «Персидского вопроса» и для изменения англо-русского соглашения». По свидетельству Коростовца, эти слухи просочились в местную прессу и создали вокруг его имени и репутации атмосферу предубежденности². Поэтому еще до первой встречи с Коростовцем Таунли уже был готов к сопротивлению. Но не только Таунли проникся антипатией к И. Коростовцу, но и секретарь английской миссии Дж. Гарнет также невзлюбил его, находя в нем «хитрую и развратную внешность» (Fisher, 2012: 118). Согласно Коростовцу, хотя сам Таунли не был воинственно настроенным человеком, однако его окружение, проявляя агрессивность, было склонно видеть во всех действиях Коростовца интриги, направленные к понижению престижа Англии и унижению Персии (Korostovetz, Vol. I: 108).

Как утверждает Коростовец, в том окружении, которое подстрекало Таунли, были восточный секретарь английской миссии Дж. П. Черчилль, пользовавшийся большим влиянием в английской

¹ Вопрос о роли И.Я. Коростовца в создании независимого монгольского государства был рассмотрен в статье Dudin, 2017: 277-279.

² Кстати, об этом пишет в своих «Записках» и находившийся тогда в Тегеране К.Н. Смирнов. По его утверждению, «ложность семейного положения и отсутствие достаточных средств отражались на общественной жизни Коростовца, и дурная слава способствовали тому, что раньше его приезда в Тегеран, Коростовца не уважали ни русские, ни персы» (Смирнов, 2002: 41). Между прочим, в одном из своих писем Дж. Гарнет упоминает жену российского министра как «домашнюю прислугу второй руки, ясно намекая на неприглядную историю молодой француженки в Китае, «чья печальная история до ее замужества все еще является главной темой слухов в Пекине» (Fisher, 2012: 120).

миссии и вхожий в местное общество, корреспондент газеты «Таймс» Кеппель¹, Вуд и, наконец, супруга Таунли – леди Сюзан (Korostovetz, Vol. I: 107-108).

По замечанию Коростовца, леди Сюзан имела большое влияние на своего мужа, интересовалась археологией и выделялась своими антирусскими взглядами. Как видно из воспоминаний, леди Сюзан доставляла немало беспокойства Коростовцу: «Мне жаль сказать, – пишет автор воспоминаний, – что жена моего коллеги не ограничивала себя археологией и занятием на молочной ферме, но также вмешивалась в дипломатические вопросы» (Korostovetz, Vol. I: 110). О сварливом, капризном характере леди Сюзан, а также о ее интригах даже против некоторых сотрудников английской миссии, включая военного атташе миссии Дика Стиля, а также обслуживающего персонала, писал в своих частных письмах упомянутый выше Дж. Гарнет (Fisher, 2012: 112-114). Поэтому совершенно не случайно, что она смогла, согласно Дж. Гарнету, «отравить отношения с русской миссией» (Fisher, 2012: 116).

Между прочим, в беседах с Коростовцем леди Сюзан в отсутствие Таунли откровенно советовала ему: «Если вы хотите остаться в Персии, то не проводите независимую политику, а слушайте совета Уолтера и сообщайте в Петербург, что британский министр в Тегеране подтверждает ваши предложения. Таким образом, вы сможете удовлетворить и ваших, и наших. И, в конце концов, у Петербурга нет «Персидской программы», а только одни бюрократические вымыслы» (Korostovetz, Vol. I: 110). В качестве образца для подражания леди Сюзан приводила в пример бывшего российского посланника С.А. Поклевского-Козелла, который, по ее словам, защищал русские интересы, но вместе с тем никогда не оскорблял англичан, не был жестким и был в хороших отношениях с ними. Таунли даже привел свой пример, когда перед отъездом в Тегеран на прощальной аудиенции король Эдвард якобы посоветовал ему посоветоваться с Поклевским (который, как известно, слыл другом короля), что служило бы интересам Великобритании. В этой связи Коростовец пишет: «Я должен признаться, хотя это цинично, что это было совершенно правильно и что я был достаточно глуп, не понимая ситуацию, отвергал мудрые предостережения моего коллеги».

Коростовцу хватает смелости признавать свои прошлые ошибки и не скрывать по этому поводу своего разочарования: «Я уже упоминал о том, что сэр Уолтер обвинял меня в русификации Персии и в чрезмерном русофильстве. Теперь, после большевистской революции, я понимаю, что это была моя непростительная ошибка и что сэр Уолтер был прав. Однако тогда люди старого поколения придерживались подобных устаревших идей, как национализм, патриотизм, страна и т.д. Теперь весь этот устаревший мусор был сметен Интернационализмом» (Korostovetz, Vol. I: 112).

Вообще, следует отметить, что, уже находясь в эмиграции, Коростовец высказывает мысли, явно несовместимые с его прежними, имперскими взглядами. Например, он допускает мысль о том, что когда-нибудь «наступит время, когда великие нации, или некоторые из них, расстанутся со своими колониями, протекторатами, мандатами и другими формами международного феодализма и предоставят негров, индийцев, корейцев или кавказцев своей судьбе» (Korostovetz, Vol. I: 115).

Может быть, произошедшая переоценка ценностей во взглядах убедила Коростовца произнести следующее: «Персы меня никоим образом не убедили в том, что они нуждаются в руководстве. Они – одаренная нация, патриотичная и даже прогрессивная, с большой способностью к адаптации и подражанию. Единственным препятствием является их религия, однако она постепенно теряет свое значение» (Korostovetz, Vol. I: 115). Между прочим, осознание допущенных царизмом ошибок в управлении собственной страной привело его к мнению о том, что «если бы царь знал свой народ получше и проявил бы больше трезвости, то его династия все еще правила бы в той огромной империи. То же самое относится к султану, персидскому шаху и китайскому императору» (Korostovetz, Vol. I: 116).

Коростовец специально останавливается на беззакониях, чинимых российской стороной, в частности на политике царизма по русификации северных областей Персии. Так, например, он подробно описывает содержание поданного ему персами в июне 1914 г. так называемого «Меморандума о беззакониях со стороны России». В нем было выдвинуто персидской стороной несколько требований, а именно: упразднение русского землевладения, ссылаясь на ее незаконность, отставка с поста генерал-губернатора провинции Азербайджан российского ставленника Шоджа од-Доуле, возвращение наследника персидского престола в Тавриз, вывод русских войск из Северной Персии и прекращение оппозиции России против расширения сети шведской жандармерии по всей стране, чему, как известно, она активно препятствовала. Следует заметить, что тогда этот меморандум получил поддержку со стороны Форин-Офиса и английского кабинета (Korostovetz, Vol. I: 121). По свидетельству Дж. Гарнета, в мае–июне 1914 г. Россия давила на Британию в вопросе прокладки

¹ Имеется в виду английский корреспондент газеты *The Times* в Тегеране с 1912 по 1914 гг. Арнольд Кеппель. Как выясняется, он был племянником жены английского посланника сэра Уолтера Таунли леди Сюзан, на которой тот женился в 1912 г. Одно время Арнольд Кеппель являлся почетным атташе в Бухаресте и Тегеране, после чего вновь стал корреспондентом упомянутой влиятельной газеты. Если судить по информации Дж. Гарнета, то А. Кеппель сильно недолюбливал свою тетю леди Сюзан. (Fisher, 2012: 103, 122; а также en.wikipedia.org/wiki/Arnold_Keppel_(writer)).

трансперсидской железнодорожной магистрали, которая, по ее задумке, должна была соединить находящуюся на севере Джульфу с индийской границей, что стало дополнительной причиной для беспокойства английской стороны (Fisher, 2012: 120).

Вместе с тем Таунли обратил внимание Коростовца на русскую порочную практику покровительства персидских протезе, нарушающих закон. Они, по справедливому замечанию Таунли, искали обхода закона при исполнении своего гражданского долга и увиливали от уплаты налогов. По справедливому замечанию английского посланника, подобная система была нарушением прав правительства и создавала «государство в государстве» (Korostovetz, Vol. I: 122).

С точки зрения характеристики русской политики в Персии представляется весьма интересным содержание беседы главы Восточного, или Азиатского департамента британского Форин-Офиса Э.А. Кроу с российским послом в Лондоне Н.С. фон Эттером, которое передал Коростовцу сам Таунли. В этой беседе, состоявшейся 3 июня 1914 г., Кроу пояснил своему коллеге, почему политика России в Персии вызывала такую тревогу у британской стороны: «Говоря совершенно приватно и как друг, – заявил Кроу фон Эттеру, – постарайтесь поставить себя на место персов. Северная часть Персии, особенно Азербайджан, является русской провинцией, управляемой русскими официальными лицами¹. Генерал-губернатор отказался признать власть персидского правительства и делает это с полного одобрения русских властей. Персидским властям не разрешается собирать налоги. Они собираемы русскими консулами, и их уплачивают в русском банке², причем нет никакой отчетности. Земля открыто, незаконно передается русским эмигрантам [поселенцам] квадратными милями, так что целые деревни и их население формально оказывались под «русским протекторатом». Вместе с тем Казачья бригада³, которую содержало персидское правительство, была выведена из-под его контроля и подчинена военному министерству России. С другой стороны, Учетно-ссудный банк использовал всю банковскую систему для замены персидской администрации, тем самым уменьшая то, что от нее осталось» (Korostovetz, Vol. I: 124-125).

По мнению Кроу, в случае если сложившееся положение в Персии не исправить, то следует ожидать ухудшения и даже конца англо-русской дружбы. Главный упрек английской стороны состоял в том, что «русское правительство сделало персидское правительство недееспособным и подорвало это государство так эффективно, что кажется вообще сомнительным, что оно когда-либо сможет восстановиться. Мы не можем на это закрывать глаза». (Korostovetz, Vol. I: 126).

Далее Коростовец приводит текст меморандума английского министра иностранных дел сэра Эдварда Грея сэру Джорджу Буканану, английскому послу в Санкт-Петербурге от 10 июня 1914 г., в котором указывается на нарушения со стороны русских консулов в Персии, идущих вразрез с «требованиями общей политики» (Korostovetz, Vol. I: 132). В нем перечислены факты, свидетельствующие об установлении русского протектората над северными районами Персии (Korostovetz, Vol. I: 134). Причем английское правительство признавало справедливым исключение иностранного влияния в северной Персии, но вместе с тем выражало тревогу по поводу «ущербности английской торговли в этом регионе Персии». Кроме того, оно было обеспокоено усилением «русского политического влияния в нейтральной полосе», что было очевидным на примере деятельности русского консула в Исфагане, а также получения концессии по ирригации земель (Korostovetz, Vol. I: 137).

Как бы парируя обвинение Э. Грея, Коростовец утверждает, что не только Россия, но и Англия нарушала суверенитет Персии и в качестве примера приводит факт покупки контрольного пакета акций англо-персидской нефтяной компании британским правительством у британского подданного Уильяма Нокса Дарси (1901 г.) в 1914 г. Причем это дало возможность этой компании работать не только на юге и западе Персии, но и на нейтральной полосе и частично в русской зоне влияния. Тогда в ответ на возбуждение русской прессы и общества по поводу деятельности этой нефтяной компании и нарушения положений англо-русского соглашения Грей сделал успокоительное заявление о том, что «эта политика не направлена на включение севера и на эксплуатацию концессии на юге Персии, а лишь на британскую сферу и на острова» (Korostovetz, Vol. I: 142). Следует заметить, что передача англо-персидской нефтяной компании английскому Адмиралтейству, инициатором которой был Уинстон Черчилль, означал еще и переход флота с угля на нефть (Korostovetz, Vol. I: 143).

Между прочим, английский посланник Уолтер Таунли «не отрицал, что в случае с нефтяной компанией британское правительство отказалось от принципа невмешательства и также нарушило суверенные права Персии, поскольку защита концессии требовала присутствие британских войск; до сих пор британцы протестовали против присутствия русских войск в Северной Персии» (Korostovetz, Vol. I: 146).

¹ Кстати, Дж. Гарнет сообщал о том, что, несмотря на существование запрета для иностранцев скупать земельные участки в Персии, русскими в провинции Азербайджан была приобретена одна треть этой провинции! (Fisher, 2012: 118).

² Имеется в виду Учетно-ссудный банк Персии.

³ Под «Казачьей бригадой» Кроу подразумевает Персидскую казачью бригаду, находившуюся до 1918 г. в непосредственном подчинении российского военного ведомства.

Очевидно, что англо-русские отношения в Персии так сильно накалились, что в своей телеграмме, отправленной в июле 1914 г. Коростовцу, Сазонов выразил недовольство действиями российского посланника, утверждая, что тот «не поддерживает дружеских и доверительных отношений с британским и французским министрами, сердечное сотрудничество с которыми является самым важным», и добавил: «Я считаю себя обязанным обратить ваше внимание на тот факт, что без подобных отношений миссия, порученная вам в Тегеране, не может быть успешно выполнена» (Korostovetz, Vol. I: 147).

По сообщению Коростовца, еще тогда, в июле 1914 г., стало очевидным, что в Петербурге были им недовольны. На это указывали как предостерегающие телеграммы Сазонова, так и информация, получаемая Коростовцем от частных источников. Как выясняется, в МИД были им недовольны «из-за постановки ненужных вопросов» и ссоры со своими коллегами. Ему приписывали разные вольности и нарушения, не имевшие ничего общего с политикой, но утверждающие «убийство русского национального духа» и т.д.

Одной из таких вымышленных обвинений против Коростовца была история с памятником А.С. Грибоедову, который стоял перед зданием русской миссии в Тегеране. По свидетельству Коростовца, памятник на лето почему-то перевозили в летнюю резиденцию в Зарганде, а зимой возвращали на прежнее место. Вся эта курьезная процедура показалась Коростовцу абсурдом, тем более что, подсчитав расходы на перевозку и узнав, до какой степени расходы на транспортировку были раздуты, он решил впредь памятник не трогать и оставить его на постоянной основе в Тегеране. Эта история управляющим миссией, недовольным потерей своего дохода, была преподнесена в искаженном свете. Им был отправлен доклад с жалобой на Коростовца, якобы разрушавшего этот монумент Грибоедову, что вызвало большое возбуждение в самом Министерстве иностранных дел. Отсюда и легенда о его «вандализме и беззаконии» (Korostovetz, Vol. I: 150).

Коростовец вспоминает, что тогда он не придавал никакого значения предупреждениям Сазонова, «однако прислушался к своим дальновидным коллегам Баху и Таубе, которые посоветовали ему признать свои грехи перед предполагаемыми друзьями и союзниками, пожертвовать генерал-губернатора Азербайджана Шоджу од-Доуле в Тавризе, а господина Кавера – в Исфагане и разослать приказы всем русским консулам соглашаться во всех делах с британскими консулами». По их мнению, в таком случае можно было достичь смягчения британского гиперкритицизма, а заодно и удовлетворить петербургскую камарилью. Но, как признается Коростовец, этот путь выхода из ситуации показался ему малодушным, и он продолжал ждать поощрения, или же объяснений со стороны Сазонова, или же, по крайней мере, от начальника Персидского отдела или департамента МИД господина Клемана (скорее всего, речь идет о В.О. фон Клемме!) (Korostovetz, Vol. I: 150).

Англо-русские отношения в период Первой мировой войны, или от конфронтации к сотрудничеству

Второй том охватывает англо-русские отношения в Персии с начала Первой мировой войны и до конца третьего десятилетия. Когда в августе 1914 г. вспыхнула война в Европе, Таунли и Коростовец получили соответствующие инструкции, согласно которым любые разногласия по «Персидскому вопросу» им следовало немедленно устранить.

Между прочим, обсуждая ситуацию, сложившуюся в ходе войны, сэр Таунли высказал мнение, что в общении с шахским правительством Англии и России следовало бы показать особую мягкость и готовность сглаживать острые углы (это был намек в сторону Коростовца) и расположить персов к себе, тем самым помешать им перейти на сторону их противников – немцев, австрийцев и т.д. По мнению Таунли, ссора с персами могла повлиять на их отношениях с Турцией и вызвать всплеск мусульманского фанатизма и ксенофобии в Индии, Афганистане и Египте, где уже шла агитация за священную войну. Ссылаясь на эти соображения, Таунли посоветовал Коростовцу «быть податливым в отношении персов в вопросах *малиата*², их требований относительно Учетно-ссудного банка и вывода русских войск из Северной Персии», на что Коростовец ответил, что он опасается, что эти уступки персами будут восприняты как слабость, что приведет к усилению их агрессивности и к свежим требованиям. Как показалось российскому посланнику, в данном случае Уолтер просто хотел показать персам, что он был на их стороне и был готов поддержать их требования против России (Korostovetz, Vol. II: 154).

В связи с началом Первой мировой войны в сентябре 1914 г. министр иностранных дел Персии вручил Коростовцу ноту, в которой сообщалось, что Персия желает избежать любое участие в войне и

¹ Как известно, Василий Оскарович фон Клемм в период 1906–1908 г. занимал должность генерального консула в Мешхеде, а после возвращения в Петербург служил в качестве чиновника по особым поручениям при министре иностранных дел, а с началом Первой мировой войны возглавил 3-й (Среднеазиатский) отдел Министерства иностранных дел. См.: ru.wikipedia.org/wiki/Клемм_Василий_Оскарович; Fisher, 2012: 121).

² *Малиат* – согласно определению американского финансового советника Моргана Шустера, это совокупность внутренних налогов, включая поземельный и муниципальные налоги, а также налоги, поступающие от предпринимательства, рудников и государственных земель (Shuster, 1912: 288–289).

намерена провозгласить свой нейтралитет. По этой причине шахское правительство просило русское правительство вывести войска из Персии, тогда в случае войны между Россией и Турцией соблюдение персидского нейтралитета было бы гарантировано. Однако Коростовец выразил уверенность в том, что вывод русских войск из северной Персии не смог бы предотвратить вторжения турок, а только облегчил бы им захват подходящих стратегических позиций в Азербайджане (Korostovetz, Vol. II: 157). В этой связи совершенно справедливо замечание Ф. Каземзаде о том, что, с одной стороны, Россия полностью проигнорировала персидскую власть, а с другой – что с началом Первой имровой войны Англия предприняла жалкую попытку принудить Россию уважать нейтралитет Персии (Kazemzadeh, 1968: 677). Предвидя, с одной стороны, к каким последствиям могла привести война при наличии на севере страны русских войск, а с другой – угрозу турецкого вторжения в пределы Персии, в ноябре 1914 г. Солтан Ахмад-шах Каджар своим фирманом объявил о нейтралитете Персии (Fatemi, 1952: 316).

Следует заметить, что идею о нейтралитете Персии и, следовательно, требование персов о выводе русских войск из этой страны активно поддерживал Таунли. Однако, каким бы парадоксальным это ни покажется, неожиданно для России Лондон не стал поддерживать вмешательство сэра Таунли на стороне персов. Кстати, его проинформировали о том, что Форин-Офис был против вывода русских войск и что там не верили заверениям Порты, переданным через турецкого посла Асим-бея, а также не верили и обещаниям персов.

Тем не менее в ноябре 1914 г. персидское правительство вновь потребовало вывод русских войск из Азербайджана явно под давлением турецкого посла, который требовал соблюдения нейтралитета со стороны Персии и обещал, что при таких условиях турецкие войска не войдут на ее территорию. Было ясно, что Асим-бей просто исполнял инструкции Порты (Korostovetz, Vol. II: 174). Сэр Таунли то ли по наивности, то ли по причине противоречия, принял обещания турок за истину и взял сторону персов в их требовании вывода русских войск, особенно из Хорасана, которое, по его мнению, должно было произвести благоприятное впечатление на публику и восстановить симпатии персов к русским.

Позже, когда в Петрограде решили арестовать германского политического агента в Тавризе Шенемана, а также австрийского и турецкого консулов, сэр Уолтер стал критиковать эту меру как нарушение персидского нейтралитета. По сообщению Коростовца, антирусская деятельность Шенемана началась еще в предвоенное время и привела к переговорам между российским посланником и немецким министром принцем Реусом. Тогда в связи с этими переговорами Коростовец поднял вопрос об отводе из Исфагана другого германского агента д-ра Пужена¹, который был назначен германским и турецким консулом. Тот смог с помощью взятки привлечь на свою сторону не только шведскую жандармерию, но и шиитское духовенство и глав нескольких кочующих племен, таких как Машалла-хан, Наиб-Хусейн и др. Вскоре благодаря активности и агитации этих агентов Исфаган стал центром турко-германской ферментации. Русский консул Гильдебранд и английский консул Грахам не могли им противостоять, поскольку симпатии персов, конечно, были на стороне их единоверцев (Korostovetz, Vol. II: 185). Несмотря на создавшееся положение, сэр Уолтер Таунли выступил против требования Коростовца, утверждая, что якобы это могло вызвать недовольство со стороны персов. По объяснению Коростовца, такое поведение Таунли было вызвано тем, что агитация этого немецкого агента была направлена в то время не столько против британского, сколько против русского арендатора и управляющего недвижимым имуществом Зилли-Султана господина Кавера. Сын Зилли-Султана Акбар-мирза (министр иностранных дел) сказал лично Коростовцу, что британские официальные лица поддерживали Пужена, с тем чтобы через него подорвать русское влияние. Тем не менее весь вопрос заключался в том, что Кавер, который был и вице-консулом в Исфагане, был предательски убит. Только в начале 1915 года, благодаря, может быть, энергичному вмешательству британского резидента в Бушире сэра Перси Кокса, сэр Уолтер Таунли начал демонстрировать меньшее недоверие в сторону русской активности в Исфагане.

Хотя Исфаган лежал в нейтральной полосе, на самой границе сферы русского влияния, тем не менее британцы стремились играть там доминирующую роль. Коростовец рассказывает о том, какую агитацию вел против Кавера Пужен (Korostovetz, Vol. II: 176). Для усиления авторитета Пужена принц Реус отправил в Исфаган секретаря германской миссии фон Хентига. Тогда переговоры с русским консулом Преображенским только ухудшили дела и ни к чему не привели. Вскоре Преображенский, который был очень взволнован вмешательством немцев, умер от сердечного приступа, в то время как фон Хентиг, который показал себя очень энергичным и предприимчивым человеком, был послан с пропагандистской целью в Турцию и Афганистан. Принцу Реусу удалось установить тесные связи с лидерами Персидской демократической партии, которые были настроены прогермански, поскольку Германия была врагом как России, так и Великобритании – двух империй, в разной степени угрожавших территориальной целостности и независимости Персии, в отличие от Германии, которая гарантировала их (Ishtiaq, 1974: 296-297).

¹ По сообщению генерала Перси Сайкса, Пужен вел активную прогерманскую агитацию, убедив многих жителей Исфагана, в том числе и религиозных руководителей, в том, что якобы немцы уже приняли ислам, а сам Кайзер действительно был хаджи (Sykes, 1930: 446).

В ноябре 1914 г., когда турки перешли в генеральное наступление и следовало остановить их продвижение в Азербайджане, русские обратились за помощью к Шоджа од-Доуле, который в свою очередь искал средства защиты от курдских рейдов в свои имения.

Коростовцу сообщили из Петрограда о необходимости создания противодействия турецко-курдской агрессии на Тавриз. Следует заметить, что Таунли тем не менее не поддерживал позиции Коростовца в данном вопросе. Вместе с тем в Персии постоянно звучали требования вывода русских войск и возвращения в Тавриз наследника престола. Кроме того Таунли стал неодобрительно отзываться об англо-русском союзе: «Я слышал от персов, – вспоминает Коростовец, – что Таунли дал понять персам, что англо-русский альянс имеет временную природу и что интересы Англии и России противоположны» (Korostovetz, Vol. II: 179).

Согласно беседе, состоявшейся 30 декабря 1914 г. между Мошавер ол-Мамалеком, вице-секретарем Министерства иностранных дел, и британским министром, на котором присутствовал и премьер Мостоуфи ол-Мамалек, касательно Шоджи од-Доуле и его поражения от турецких войск, во время которой «Таунли обвинял Россию в расстройстве Персии, им было заявлено о том, что союз с Россией имеет временное значение и что в недавней беседе Никольсона с Сазоновым было отмечено, что продолжение войны в Персии может вызвать серьезный конфликт между Англией и Россией» (Korostovetz, Vol. II: 181b). Тогда же сторонами был поднят вопрос о необходимости эвакуации русских войск и их замены персидскими войсками¹. По этому поводу Коростовец сделал вывод, что Таунли и Мостоуфи пришли к соглашению и пели одну песню про нейтралитет, эвакуацию, суверенитет, жандармерию, казаков и т.д. и т.п. (Korostovetz, Vol. II: 182).

К этому времени в Петрограде начали соображать, что отсутствие гармонии и искренности в Тегеране не может быть приписано только исключительно некомпетенции и упрямству Коростовца, но и сэру Уолтеру Таунли. По утверждению Коростовца, опытный и влиятельный переводчик английской миссии господин Черчилль и другие персоны внесли свой вклад в этот раскол. Это, между прочим, было признано и в телеграмме Сазонова Бенкендорфу от 23 декабря 1914 года: «Из телеграмм от Коростовца, – сообщалось в ней, – не предвидится никаких изменений в составе тегеранского кабинета, что можно только приписать энергии, проявленной со стороны Таунли» (Korostovetz, Vol. II: 186), и что британская миссия рада создать неудобства русской миссии. «Во всяком случае, – читаем в этой телеграмме, – нет и следа от сердечной и дружеской кооперации с нашей миссией, что можно увидеть во всем. За это я не могу обвинять только Коростовца, поскольку недружественное отношение со стороны Таунли подтверждается из других беспристрастных источников» (Korostovetz, Vol. II: 187).

В связи с этим Сазонов был вынужден попросить английского посла в Петербурге Никольсона дать соответствующие инструкции Таунли с тем, чтобы тот изменил свой враждебный подход в отношении русских (Korostovetz, Vol. II: 187). Коростовец признается, что тогда он не знал о столь сильном неодобрении политического подхода британского коллеги. «Несмотря на это, – вспоминает Коростовец, – я заранее был убежден, что любое мое действие в русской сфере влияния приведет к конфликтам, и, чтобы сохранить разглагольствуемую гармонию и сердечность между нами, было бы лучше вообще не поднимать неудобные вопросы» (Korostovetz, Vol. II: 187-188). Вообще, обострение отношений с англичанами со стороны Коростовца, когда шла война с Германией, воспитатель Солтана Ахмад-шаха Каджара штабс-капитан К.Н. Смирнов считал «очень несвоевременной». Но вместе с тем он признает, что Коростовец «смотрел в корень дела и, держась взгляда значительной части нашей интеллигенции, что, чем хуже, тем лучше, он был сторонником не сглаживания отношений с Персией, а наоборот – обострения» (Смирнов, 2012: 41).

Коростовец вспоминает о проблеме с наследником престола, который по исторической традиции, должен был находиться в Тавризе. Однако, поскольку наследник придерживался антирусских настроений, русская сторона противилась его отправке в Тавриз. После изгнания турок из Тавриза и его перехода в руки русских сложилось положение, при котором русская сторона сочла возможным возвращение наследника престола, хотя «было открыто сказано в Тегеране, что наследник и его окружение были посланы для оказания сопротивления русскому влиянию в том центре». По утверждению Коростовца, Таунли предполагал использовать наследника престола в качестве антирусского инструмента (Korostovetz, Vol. II: 189).

Наследник прибыл в Тавриз в сопровождении эскорта казаков, а также двух сотен жандармерии, которые должны были послужить кадрами для организации в будущем жандармских частей на севере. Персы надеялись ввести жандармов в русскую зону влияния и, следовательно, таким образом игнорировать требование русской стороны, не допуская появления жандармов в сфере ее влияния.

Коростовец вспоминает, как по случаю персидского Нового года Ноуруза (10 марта 1915 г.) вместе с членами миссии посетил премьер-министра Мошир од-Доуле, повторившего на встрече

¹ По поводу образа действий русской армии на Персидском фронте сэра А. Вильсона в своих воспоминаниях «Лоялти. Месопотамия» отметил, что, находясь на территории Персии, русские войска вообще редко платили за что-либо, а к концу 1916 г. часто творили произвол... и везде, где бы они не находились, жители были обнищавшими и враждебно настроенными» (Wilson, 1930. Vol. I: 162).

прежние требования его предшественников по эвакуации русских войск из Персии, ссылаясь на обещание, что в случае отвода русских турецкие войска также покинут Персию. Он же заявил протест в связи с арестом немецкого консула в Бушире и другими своевольными действиями британцев, вызванных военной необходимостью. По этому случаю сэр Уолтер, который также присутствовал на этой встрече, категорически отверг требование персидской стороны, указав на ее неспособность соблюдать нейтралитет. Когда же Мошир од-Доуле стал требовать вывода русских войск, в первую очередь из Казвина, Решта и Ардебилля, к большому удивлению Коростовца, сэр Уолтер Таунли выступил против этого требования и стал угрожать посылкой свежих сил или даже оккупацией Тегерана (Korostovetz, Vol.II: 190-191). Тем не менее сэр Уолтер Таунли по-прежнему придерживался русофобской позиции. Он не раз заявлял персам, что союз в Европе вовсе не совпадает с английскими интересами в Азии. «В этом отношении, – признается Коростовец, – мой британский коллега был прав и видел дальше, чем я, поскольку вопреки мирным пактам, соглашениям, конвенциям и другой бюрократической продукции, политическая связь уже стала меняться» (Korostovetz, Vol.II: 192). По мнению Коростовца, именно это послужило формальной почвой для его отзыва из Тегерана, о котором он был предупрежден в телеграмме Сазонова от 15 января 1915 года:

«Принимая во внимание недружеское отношение к нам Таунли, – писал Сазонов, – и из-за желательности его замены кем-либо другим, мы вошли в необходимые переговоры с британским кабинетом. В ходе них было сказано, что наша цель может быть достигнута только одновременной заменой наших соответствующих представителей в Тегеране. Поскольку этот вопрос приобрел серьезное политическое значение, мы предложили предоставить вам длительный отпуск и временно назначить фон Этгера в Тегеран. Сэр Уолтер будет заменен господином Марлингом. Отзывается также и Черчилль, которого сменит Смутт. О реализации этой комбинации вы будете осведомлены в дальнейшем» (Korostovetz, Vol. II: 193). Эта телеграмма как гром среди ясного неба была большой неожиданностью для Коростовца. «Какая бы то ни была причина моего отзыва, – вспоминает он, – или, скорее всего, отстранения, это было для меня неожиданным ударом. По существу, может показаться, что меня подвергли наказанию за то, что я встал за честь и интересы России, быть может, без принятия в расчет в достаточной степени английского влияния в Персии» (Korostovetz, Vol. II: 193).

По сообщению Коростовца, Таунли также получил аналогичное предупреждение, которое его очень расстроило. «Ни он, ни его жена, – вспоминает Коростовец, – не ожидали такого результата. Они хотели меня удалить, но сами также угодили в ловушку» (Korostovetz, Vol.II: 193-194).

Перед самым отъездом английского и русского посланников из Тегерана с целью устранения продолжающегося спора, связанного с вопросом определения дальнейшего статуса нейтральной зоны, уже в марте 1915 г. русская сторона выразила свое согласие на ее включение в сферу британского влияния, оговорив при этом, что с учетом русских интересов в районах городов Исфагана и Иезда они будут закреплены за Россией. Таким образом, в марте 1915 г. было достигнуто соглашение о втором разделе Персии, когда Англия и Россия поделили между собой нейтральную зону (Majd, 2003: 54). Как писал Л.И. Мирошников, взамен за передачу нейтральной зоны Британии Россия получила обещание заполучить Константинополь и черноморские проливы после окончания войны (Мирошников, 1961: 35-36).

Новость об отозвании русского и английского министров незамедлительно разошлась по Тегерану, вызвав ликование среди персов, которые приписали это Ноурузу, увидев в этом начало новой эры. Как пишет Коростовец, «персидская дипломатия праздновала победу над своими нежеланными и ненавистными опекунами и смотрела вперед – в эру независимости».

Коростовец оставил Тегеран почти одновременно с сэром Уолтером приблизительно в середине апреля 1915 года¹. Он вернулся в Россию по той же дороге с женой и дочерью. Между тем одновременно были отозваны консулы Орлов из Тавриза и Иванов из Астрабада «из-за их чрезмерных русофильских тенденций и нарушения дисциплины». Коростовец высказывает свое сожаление по поводу их отзыва из Персии и предполагает, что они стали жертвами из-за того, что подчинялись указаниям опального посланника (Korostovetz, Vol. II: 194).

На прощальной аудиенции Солтан Ахмад-шах наградил Коростовца орденом «Льва и Солнца», а также своим портретом, украшенным жемчугами и выразил сожаление, что тот покидает Персию после столь короткого пребывания в стране, хотя «в душе был рад избавиться от двух доставляющих беспокойство министров».

За два или три дня до отъезда Коростовца из Тегерана его посетил новый английский министр, многоопытный Чарльз Марлинг, который сообщил ему о том, что инициатива его отзыва принадлежала Сазонову, хотя признал, что и в Лондоне давно были им недовольны из-за оппозиции английскому

¹ Вот что пишет в своих воспоминаниях дочь И.Я. Коростовца Ольга Ивановна об обстоятельствах неожиданного отъезда ее отца из Тегерана: «Спустя несколько месяцев между моим отцом и сэром Таунли имела место какая-то дипломатическая размолвка. Я не знаю, из-за чего она произошла, однако она была настолько серьезной, что два правительства, будучи союзниками, решили в тот же день отозвать обоих посланников с их семьями. Отец выехал на несколько часов позже сэра Таунли и леди Сьюзан» (Gastone, 202: 148). (на итальянском яз.).

влиянию в нейтральной зоне¹, а также из-за его русофильских наклонностей. Обращаясь к Коростовцу, Марлинг суммировал: «Вы очень русский». Отзыв из Тегерана своего предшественника Уолтера Таунли он объяснил его неспособностью сохранять хорошие отношения с русскими и желанием смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное этим инцидентом и критицизмом прессы. С другой стороны, он напомнил и о том, как ранее два других русских министра Шпейер и Гартвиг, благодаря британским жалобам, также разделили подобную участь. Анализируя деятельность Коростовца в Персии, Марлинг составил очень нелестное представление о нем. Так, в июне 1916 г. в своем письме английскому послу в Петрограде сэру Джорджу Буканану Марлинг писал следующее: «...Что касается Коростовца, я очень сожалею, что не могу разделить Вашего мнения о его чистосердечности. Ни в коем случае я не доверяю ему, ...он творит такие дела, какими другие побрезгали бы» (Тагизаде, 1918, № 3: 161).

Переосмысление Коростовцем пройденного им пути ярко высвечивает изменение в его мировоззрении, выраженное в следующей его фразе: «Теперь, особенно после русской революции², я осознаю, какое это было преступление быть русским националистом или русофилом, однако в то время я был пропитан устаревшими принципами национализма и русофилизма» (Korostovetz, Vol. II: 195).

Коростовец вспоминает о предшествовавших его отъезду событиях, в частности о тех беспорядках, вызванных нехваткой серебра в Тегеране, когда обладатели банкнотов хотели разменять их на серебро, однако в Шахиншахском банке тогда не оказалось достаточного количества серебра, что привело к падению кабинета правительства. Тогда новый английский министр Марлинг и переводчик Черчилль, по согласованию с секретарем российской миссии Бахом и переводчиком Евреиновым, посоветовали персам назначить энергичного Саад од-Доуле на должность премьера, но толпа людей собралась перед воротами Меджлиса и протестовала против его назначения (он был деспотом), но бунт успокоился, когда вместо него был назначен более умеренный Аин од-Доуле (Korostovetz, Vol. II: 196-197).

По сообщению Коростовца, отъезд русского и английского посланников совпал с возвращением в Тегеран германского министра Реуса в сопровождении большого штата сотрудников. Среди них был немецкий офицер артиллерии Хаас, тот самый, который еще в 1911 г. принимал участие в безуспешной попытке экс-шаха вернуть себе трон. Тогда, по замечанию Коростовца, он действовал в интересах России. В этот же раз Хаас был на противоположной стороне. Автор воспоминаний признается, что народ радостно встречал Реуса, который увидел в этом восстановление турецко-германского влияния.

В конце апреля 1915 г. прибыл в Тегеран сменщик Коростовца Н.С. фон Эттер, кандидатура которого была предложена русскому правительству британским Форин-Офисом, желавшим видеть вместо Коростовца более подходящего агента. По признанию Коростовца, фактически это была прекрасная замена. «Вскоре он, – вспоминает Коростовец, – покори персов своей обходительностью манер и очаровал дипломатов в Тегеране, которые говорили, что он европеец, а не азиат. Во всяком случае, он не мог быть назван русофилом, хотя бы по той причине, что был чистокровным финном». По замечанию Коростовца, фон Эттер не был знаком с Востоком и его особенностями – откладыванием дел со дня на день, задержками, обещаниями и клятвами «Аллахом и всеми святыми, всемогущим и универсальным», «модахилом», или подарками, авансами и взятками для решения каждого важного вопроса. Коростовец признает, что взятка, как таковая, существует и на Западе, возможно в большей степени. По его мнению, именно незнание восточных обычаев, скорее всего, помогли фон Эттеру в его деятельности и в его отношениях с местными, особенно с теми радикально настроенными людьми, или так называемыми «молодыми персами». «Короче, – заключает Коростовец, – он подошел к месту и незамедлительно установил дружественные отношения с каждым, начиная с Марлинга, несмотря на сдержанность этого дипломата» (Korostovetz, Vol. II: 198-199).

Фон Эттер с самого начала был настроен на укрепление англо-русских отношений. Руководствуясь советами Марлинга и Евреинова³, фон Эттер пошел на резкий шаг – предложил усилить русские войска в Казвине. По данному поводу Коростовец выражает удивление: «Если бы подобное решение было бы принято мною, это вызвало бы взрыв возмущения по всей Персии. Однако это был фон Эттер, то есть «персона-грата» в Лондоне и Петрограде, где он был поддержан Двором и великой княгиней Марией Павловной и Сазоновым, поэтому все молчали» (Korostovetz, Vol. II: 199-200). Как оказалось, усиление войск в Казвине было мерой временной, поскольку после

¹ «В меморандуме 27 марта 1915 г., переданном сэром Джорджем Букананом, было сказано, что англо-русское соглашение требовало пересмотра и что нейтральная зона должна была находиться в британской зоне влияния (Korostovetz, Vol. II: 239).

² Коростовец имеет в виду Февральскую, или Великую Русскую революцию 1917 года – примечание Н.К. Тер-Оганова.

³ Это тот самый Евреинов, переводчик, о котором упоминает в своих «Записках» еще К.Н. Смирнов (Смирнов, 2002: 114, 181). Как известно, после октябрьского переворота Евреинов перешел на сторону большевиков и вот в 1925 г. он в качестве нового советского дипломатического представителя прибыл в Тегеран (Korostovetz, II: 299).

возвращения немецкого посланника Реуса усилилась немецкая агитация по всему Ирану, распространялись информационные бюллетени о германских победах в Польше и Галиции, а также прокламации о значении германо-персидского союза. Более того, немцы построили беспроводную станцию для установления связи с Берлином через Багдад и Константинополь.

Вскоре после приезда фон Эттера в Тегеран была получена новость об убийстве в Исфагане русского вице-консула Кавера. Между тем граф Каниц разослал своих агентов в главные административные центры Персии для организации германо-турецкого движения из Багдада через Персию в направлении Афганистана и Индии. Увидя, что дела принимают плохой оборот, британские войска высадились в Басре и двинулись в Месопотамию. Они не достигли Багдада, а расположились на Тигре, в Курне.

Между прочим, незадолго до своего отъезда из Тегерана Коростовец начал переговоры по покупке новой резиденции для миссии во дворце принца Атабек-Азама [Строение было большое, без особого вкуса по своей архитектуре, с неудобным расположением апартаментов, но, с другой стороны, он был окружен прекрасным парком, полным прекрасными старыми деревьями и бассейнами, помещением для андаруна, бань и, как это принято в Персии, украшенный фонтанами, фонарями, терракотовыми статуями и фигурами, скорее немецкого производства. Внутренние апартаменты также были украшены в персидском стиле, с количеством канделябров и зеркал]. Осенью того же года (1915 г.) русская миссия поселилась в своем новом помещении, которое, однако, вскоре сгорело. Как бы то ни было, стараниями Коростовца русская миссия была обеспечена великолепным и величественным дворцом ([Korostovetz, Vol. II: 200-201](#)).

И.Я. Коростовец – управляющий Учетно-ссудным банком Персии

Завершив свою краткую, но весьма напряженную 18-месячную службу в Персии, Коростовец вернулся в Петроград, где его принял Сазонов. Во время встречи последний изверг бурю упреков в адрес Коростовца, обвинив его в проведении «неудачной и бесполезной политики», преувеличении своих полномочий и неспособности сохранять хорошие отношения с коллегами. Он упрекнул Коростовца в том, что ему не удалось получить «ни одну концессию», включая концессию на строевой лес у Сепакдара. По замечанию Коростовца, Сазонов забыл о том, что фактически эта концессия была мошенничеством, поскольку она уже была пожалована задолго до этого австрийцам. Тем не менее, как отмечает Коростовец, ему все-таки удалось получить концессию для Учетно-ссудного банка Персии и даже был подписан контракт по этому случаю с владельцем этих лесов ([Korostovetz, Vol. II: 202](#)). Хотя в разговоре Сазонов заметил, что, согласно русской прессе, Коростовец высоко держал русское знамя, тем не менее в его глазах этот панегирик никакого значения не имел: «Мне безразлично мнение прессы, – заявил ему Сазонов, – вы служите правительству, а не прессе.

Коростовец вспоминает, как Сазонов находил ошибки везде и во всем, обвиняя его в отсутствии гибкости и допущении к обсуждению политических вопросов посторонних лиц, имея в виду жену английского посланника леди Сьюзан. По мнению Сазонова, Коростовцу следовало известить о положении дел в частном письме. Следует заметить, что автор воспоминаний признает правоту Сазонова. «В этом случае, – пишет Коростовец, – Сазонов был прав. Таунли общался не только с Лондоном, но и с британским послом в Петрограде и был в курсе всего, что происходило за пределами англо-русской дипломатии». То есть Коростовец признает, что английский посланник был лучше информирован, чем он. Содержание бесед Сазонова с сэром Букананом и российского посла графа Бенкендорфа с Греем в Лондоне также передавались Таунли. Парадоксально, но факт, что Коростовец только благодаря коллегиальности Таунли получал лишь отрывочные сведения о них и, следовательно, не обладал полной информацией ([Korostovetz, Vol. II: 203](#)).

Продолжая вспоминать свою беседу с Сазоновым, Коростовец с горечью отмечает: «Все мои аргументы были отвергнуты министром, который грубо заметил, что я не оправдал его доверие, которое он проявил, и в настоящий момент он не может дать мне другое ответственное назначение». Это означал конец дипломатической карьеры Коростовца. Однако вскоре после своего интервью с Сазоновым Коростовец был представлен императору Николаю II во дворце Царского Села. Следует заметить, что эта аудиенция была организована без участия Сазонова ([Korostovetz, Vol. II: 204](#)).

Как передает Коростовец, император Николай II встретил его с наиболее дружественным рукопожатием и следующими словами: «Как давно вы вернулись из Тегерана? Я очень доволен вами за вашу твердость, которую вы показали в вопросе о сферах влияния и за вашу энергию по защите русских интересов». Далее император заявил о том, что британцы сами нарушили соглашение, которое являлось обязательным для обеих сторон. Тем не менее, несмотря на одобрение деятельности Коростовца на посту посланника, Николаю II пришлось согласиться с требованием Сазонова и отозвать его из Персии, поскольку тот настаивал на необходимости сохранения тесных отношений с британцами, в том числе с английским посланником и его женой, с которыми он был «не слишком дружественен». В ответ на заявления императора Коростовец ответил, что он глубоко тронут его одобрением, при этом напомнив ему о том, что Сазонов придерживался другого мнения и что он был обвинен в превышении данных ему полномочий и целой серии ошибок и глупых действий, по причине которых и был отстранен. Тем не менее Коростовец высказал готовность продолжать служить в Министерстве иностранных дел, на что император ответил с улыбкой: «Вы должны

подождать, я посмотрю, чтобы вам дали другое назначение; будьте спокойны, я не забуду о вас» (Korostovetz, Vol.II: 206).

Император действительно не забыл о Коростовце: позже, когда ушли в отставку Сазонов и сменивший его на короткое время Б.В. Штюмер и был назначен министром иностранных дел Н.Н. Покровский¹, ему предложили пост посла в Вашингтоне. Однако дни русской монархии были уже сочтены и вместо отправки в Америку Коростовца арестовала банда демобилизованных солдат, которые хотели его расстрелять, но, к счастью, он избежал смерти и был освобожден. После этого неприятного инцидента Коростовец отправился сначала в Финляндию, а затем в Киев, где поступил на службу правительства Скоропадского на Украине. После падения этого правительства он присоединился к тем, кто покинул страну и отправился за рубеж, чтобы тем самым «избежать режима диктатуры Ленина и компании» (Korostovetz, Vol. II: 206).

Между тем запрет, наложенный Сазоновым на Коростовца, отразился на его переводе в штат МИД, где ему было поручено председательствовать в разных комитетах – по реформе службы, разработке консульских регуляций и т.д. Согласно Коростовцу, заседания этих комитетов были несущественными и их решения никогда не были материализованы. Тогда к нему был проявлен интерес со стороны министра финансов П.Л. Барка, который предложил ему пост управляющего Учетно-ссудным банком Персии в Петрограде. Таким образом, в 1916 году Коростовец снова стал заниматься персидскими финансовыми и политическими вопросами.

По сообщению Коростовца, в то время главной задачей Учетно-ссудного банка Персии было собрание и ликвидация заемов шахскому правительству. Большинство этих должников, как например Арбаб-Джамшид², воспользовавшись трудностями военного времени и неясностью политической ситуации, искали освобождения от уплаты долгов и процентов. «В этих делах, – вспоминает Коростовец, – под давлением нашей дипломатии банк был вынужден делать уступки и ликвидировать неприятные долги» (Korostovetz, Vol. II: 206).

К истории американо-российских переговоров по предоставлению России американского заема и участие в них И.Я. Коростовца (1914–1916 гг.)

Находясь в должности управляющего УСБ Персии Коростовец был приглашен министром финансов Барком летом 1916 г. на американо-российские переговоры по предоставлению американского заема. С этой целью в Петроград прибыла делегация американских бизнесменов, среди которых были Патен, Месерв, вице-президент Национального городского банка Нью-Йорка Мак Робертс³, Рич и другие, представлявшие банковские концерны США.

Следует напомнить, что история с американо-российскими переговорами о заеме велась с 1914 года. Так, судя по документам внешней политики США за 1914–1920 гг., 16 октября 1914 г. граф С.Ю. Витте позвонил поверенному в делах США в Петрограде Вильсону, сообщив ему в строгой секретности о том, что, учитывая его известность в Америке и занимаемую им должность президента российской финансовой комиссии, российское правительство предложило ему отправиться в эту страну для получения заема. Ссылаясь на свой почтенный возраст и состояние здоровья, Витте выразил сомнение, что сможет быть полезным. Тем не менее он ответил правительству, что только при условии принятия двух следующих пунктов он готов отправиться в США: пункт первый – России следует заключить торговое соглашение с США, согласно которому все американские граждане, будь то евреи или христиане, натурализованные или местные, имеющие американские паспорта, одинаково должны быть уважаемы. Пункт второй – он должен быть уверенным в том, что российское правительство утвердит законы, улучшающие социально-экономическое положение рабочих классов, поскольку без выполнения этих двух условий считает невозможным получение заема.

Вместе с тем Вильсон выразил сомнение относительно возможности получения российской стороной заема из-за американского нейтралитета. На это Витте ответил, что этот заем отличается от тех, которые были выделены Франции и Германии. По заверению Витте, никакие фонды не будут выведены из США, более того, весь заем будет израсходован на закупку для России исключительно товаров американских производителей. По утверждению Витте, эта сделка могла быть весьма прибыльной для США (Papers..., 1939–1940: Doc. 135).

Вскоре после этого, 20 октября 1914 г., исполняющий обязанности госсекретаря США Роберт Лансинг в своей телеграмме дал согласие временному поверенному в делах США в Петрограде начать

¹ Н.Н. Покровский занимал должность министра иностранных дел с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г.

² Речь идет об известном зороастрийском купце, банкире и землевладельце, занимавшимся широкой благотворительной деятельностью Джамшиде Бахмане Джамшидяне или Арбабе Джамшиде. Как известно, он был избран общиной зороастрийцев депутатом в первый парламент Персии (1906 г.). Поскольку он занимался банковскими операциями, чем он составлял конкуренцию Шахиншахскому банку, а также Учетно-ссудному банку Персии, то стараниями этих банков он был доведен до банкротства (Кавиани, 2020).

³ Сэмюэль Мак Робертс был вице-президентом Национального городского банка в Нью-Йорке (Papers..., 1939–1940: Doc. 135).

переговоры по заключению торгового соглашения с Россией, при этом отметив, что со стороны американского правительства будет неправильно каким-либо образом способствовать выдаче заема одной из воюющих стран ([Papers..., 1939–1940: Doc. 137](#)).

Согласно сообщению Мак Роберта от 23 октября 1914 г. на имя исполняющего обязанности госсекретаря США, «совсем недавно Российское правительство разместило непосредственно через агентов большие заказы американским промышленникам – такие большие заказы, что полностью был освоен их наличный кредит и они попросили нас позволить превысить кредит (овердрафт), который обеспечен золотыми депозитами их государственного банка на сумму пять миллионов долларов» ([Papers..., 1939–1940: Doc. 139](#)).

Эти переговоры, которые, согласно Коростовцу, длились три–шесть месяцев, как уже было сказано выше, завершились приездом в Петроград 15 мая 1916 г. американской делегации. Сторонам следовало заключить сделку на предоставление займа России в размере 50 млн долларов. Между тем, как стало известно, Сазонов известил американского посла Дэвида Р. Френсиса о том, что Россия не примет предложенный заем по той причине, что американские банкиры потребовали особых гарантий в дополнение к ручательству России. Следует заметить, что Френсис был за предоставление этого займа России, который мог положительно сказаться на дипломатических и коммерческих связях двух стран.

В конце концов, как выясняется, в то время эти переговоры не дали конкретных результатов. Об этом свидетельствует доклад американского посла Френсиса на имя госсекретаря США от 20 мая 1916 г. Согласно этому докладу, 18 мая 1916 г. член совета российского МИД И.Я. Коростовец позвонил американскому послу по заданию министра иностранных дел России Сазонова и министра финансов Барка осведомиться о положении вещей и представить доклад, касающийся этих переговоров по вопросу займа русским правительством у некоторых американских банкиров и финансовых учреждений, возглавляемых Национальным городским банком Нью-Йорка ([Papers..., 1939–1940: Doc. 152](#)).

В ответ на доклад Френсиса 8 июня 1916 г. госсекретарь США заметил, что оказание финансовой поддержки одной из воюющих сторон является нарушением Международного права ([Papers..., 1939–1940: Doc. 153](#)). Со своей стороны, 10 июня 1916 г. Френсис дал пояснение, на что может быть использован заем. Как выясняется, большую часть этого займа предполагалось использовать для покрытия имевшейся финансовой задолженности.

Уже 19 июня 1916 г. в своей телеграмме Френсис сообщает госсекретарю о том, что Национальный банк Нью-Йорка собирается предоставить русской стороне заем в размере 50 млн долларов сроком на три года. Там же сообщалось об условиях этого займа. По замечанию Френсиса, самое главное это то, что американское посольство не принимало никакого участия в переговорах, однако сам посол лично был доволен тем, что предоставление этого займа могло бы способствовать улучшению дипломатических отношений, которые были некоторым образом омрачены постоянными стараниями американского посольства по урегулированию вопроса о германо-австрийских пленниках, а также постоянной еврейской агитацией в Америке ([Papers..., 1939–1940: Doc. 155](#)).

Между прочим, по сообщению Коростовца, он вместе с членами этой американской делегации совершил ознакомительную поездку на Кавказ, поскольку американцы выразили заинтересованность в строительстве там железной дороги. Как поясняет Коростовец, это была американская компания, поставляющая оборудование. Между прочим, Коростовца даже пригласили стать партнером в русско-американском банковском бизнесе. От общения с американцами у Коростовца остались приятные воспоминания о них: «Они были рафинированными, образованными людьми общества, но вместе с тем инквизиторами и практиками – три леди: госпожа Месерве, ее дочь и госпожа Патен прибавили шарма этой компании и сделали друзьями моей французской жены», – вспоминает Коростовец. При этом Коростовец особо отмечает, как американцы критическим взглядом осматривали русское окружение. Они были удивлены дурным управлением страной.

То, что американцы были людьми наблюдательными, смотревшими на русское окружение критическим взглядом, можно узнать из следующего пассажира воспоминаний: «Однажды, – пишет Коростовец, – господин Мак Робертс заметил, что страна с такими огромными возможностями плохо управляема и что кризис неминуем и были налицо его опасные симптомы, которые он заметил, даже не зная языка». Его мнение, между прочим, было подтверждено, когда американцы отказались подписывать контракт на предоставление займа с министром финансов, «представляющего царя». Они настаивали на необходимости изменения данной формулировки на «представляющего русское правительство». Для этого у них был веский аргумент: «Кто знает, – спорил Мак Робертс, – кто придет на место нынешних властей, даже быть может, что вы будете иметь республику». Тогда, как вспоминает Коростовец, это замечание было встречено русскими коллегами взрывом смеха и саркастическими замечаниями, которые заявили, что «американцы сумасшедшие и несведущие». А ведь этот разговор, согласно автору воспоминаний, состоялся всего лишь за шесть месяцев до Февральской революции, о которой никто и не мог думать! Тем не менее «американцы воочию заметили вещи, которым мы не придавали никакого значения», – заключает Коростовец ([Korostovetz, Vol.II: 209](#)).

Учетно-ссудный банк Персии и Февральская революция 1917 г.

По сообщению Коростовца, положение Учетно-ссудного банка во время Февральской, или Русской революции, в период правления временного правительства А.Ф. Керенского, которое взяло на себя задачу арбитража в решении русско-персидских финансовых вопросов, стало хуже. Теперь управляющий банком Коростовец должен был отчитаться о положении перед министром финансов Терещенко, а затем перед Шингаревым, его заменой, который впоследствии был убит большевистским сбродом. Чтобы дать разъяснения о положении банка и имеющегося баланса Коростовец попросил одного из директоров банка Хаймана, по национальности еврея, пойти вместе с ним. Коростовец надеялся, что новое правительство окажет большее доверие их заявлениям. Однако, по сообщению Коростовца, «оба министра были враждебно настроены против Учетно-ссудного банка из предположения, что он служил инструментом империалистической политики» (Korostovetz, Vol. II: 209)¹. Банк и лично Коростовец были обвинены в том, что платили 10 или более процентов по депозитам, сделанным привилегированными лицами, персами и другими, и что это было сделано за счет русского государственного банка и русской нации. Короче, УСБП был обрисован как гнездо ростовщичества или как чудовищный спрут, «который питался русской и персидской кровью» (Korostovetz, Vol. II: 210).

По убеждению Коростовца, все эти обвинения были настолько глупы, что он предпочел помолчать, лишь дав пояснение по вопросу назначения банка, которое состояло в оказании помощи развитию русской торговли в Персии (Korostovetz, Vol. II: 210). Тем не менее банк обвиняли в незаконных финансовых операциях и Временное правительство решило провести специальное расследование, в ходе которого так и не были обнаружены какие-либо нарушения норм. Однако, по утверждению Коростовца, анархия, произведенная этими любителями в этом банке, усилилась больше всего тогда, «когда тегеранским отделом банка после отставки честного Уидемана стали руководить жулики в роде Хаймана, Хащаба² и Моделя, которые ускоренно прикарманили активы банка» (Korostovetz, Vol. II: 211).

Коростовец вспоминает, с каким воодушевлением встретил народ новость об отречении Николая II и вообще Февральскую, или Русскую революцию 1917 года. Между прочим, эти вопросы были обсуждены во время встречи Коростовца с американским послом Френсисом, который также приветствовал эти события, в результате которых был свергнут коррумпированный режим. Между прочим, США первыми признали Временное правительство, чем «очень гордился американский посол Френсис». Следует напомнить, что именно в 1917 г. Временное правительство старалось ориентироваться на США как на главного поставщика необходимых материалов, а также финансовой поддержки для продолжения войны, тем самым заменив английского поставщика (Рубинштейн, 1946: 7, 46). По замечанию автора воспоминаний, американский посол «ожидал от этого больших вещей для человечества, и в частности для России». «Представь себе, – обращаясь к Коростовцу, воскликнул Френсис, – опрокинуть древнюю монархию в три дня и без крови. Разве это не прекрасно? Вы, русские, – великая нация, наподобие американцев». Но, к удивлению американского посла, такие гении, как Керенский, Чернов, Милюков и Гучков³, почему-то не смогли решить такой простой вопрос, как переустроить Россию⁴ (Korostovetz, Vol. II: 212).

¹ Вряд ли можно ставить под сомнение известный факт, что Учетно-ссудный банк Персии действительно был инструментом империалистической политики царской России в Персии. Вся история создания этого банка как частного предприятия и его переход в собственность русского государства говорит о многом. В этой связи, несомненно, не утратила своего значения работа Ананьич, 1962: 274-314. Не менее интересна точка зрения иранских исследователей в отношении грабительского характера деятельности Учетно-ссудного банка Персии. См., например, статью Дехканнежада (Дехканнежад, 1988: 15-32).

² Речь идет об Антонии Феодуловиче Хащабе, бывшем преподавателе арабского языка на факультете восточных языков Петербургского университета. Согласно его биографии, Хащаб часто командировался по делам УСБ в Персию. В 1922 г. служил в Тегеране, в Персидском (бывшем Учетно-ссудном банке Персии) банке в качестве «советника по финансовым и экономическим вопросам»! См. его биографию: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/615-khashchab-antoni-anton-feodulovich.html>

³ Члены Временного правительства: А.Ф. Керенский – со 2 марта 1917 г. министр юстиции, затем занимал пост военного министра. В.М. Чернов – лидер партии социал-революционеров, или эсеров. П.Н. Милюков – лидер конституционных демократов – кадетов, министр иностранных дел, А.И. Гучков – руководитель так называемого «Союза 17 октября», сторонник «конституционного монархизма» (ru.Wikipedia.org/wiki) (ru.Wikipedia.org/wiki/Керенский_Александр_Фёдорович).

⁴ Главная, на наш взгляд, причина этого состояла в нежелании Временного правительства завершить ненавидимую народом войну, чем активно воспользовалась большевистская пропаганда, что в свою очередь проистекало от требования союзников, в том числе и США, продолжить войну и не заключать сепаратного мира с Германией. Кроме того, разрушительную роль на армию оказали разные декреты Временного правительства, в первую очередь, «Декларация прав солдата» военного министра А.Ф. Керенского.

Эпилог

Между тем в результате Февральской революции произошли существенные изменения, которые привели к ослаблению позиций России в этой стране. Декларации Временного правительства воодушевили персов.

Многие события, происходившие в России, в искаженном виде достигали Персию, где посещавшие русскую миссию персидские министры стали говорить о начале новой эры в отношениях и т.д. (Korostovetz, Vol. II: 231). Нота нового министра иностранных дел России Милокова, хотя и говорила о намерении отказа от деспотизма¹ с другой стороны, – пишет Коростовец, – прокламация Совета рабочих Петрограда, призывающая все народы мира завершить войну, и «Общий приказ» с отменой дисциплины и субординации к своим начальникам привели в восторг радикальные элементы и местную прессу». Этот приказ, известный в России как «Приказ номер один», привел к созданию солдатских комитетов в войсках на фронте, включая Персию, подорвал авторитет офицеров и расстроил положение в армии. Вот что писал в своих воспоминаниях ротмистр С.Ш. Буцалель I: «Благодаря революции и приказу № 1-ый, солдатня начала превращаться в неопишумую рвань, нечего было и думать о продолжении войны. Императорская великая Россия катилась в пропасть...» (Буцалель III, 1957: 15).

Изменение внутривосточной ситуации в России повлияло на положение русской миссии в Тегеране. Так, царский министр фон Эттер, убедившись, что персы перестали с ним считаться и его присутствие бесполезно, был вынужден вернуться в Россию, а затем к себе на родину в Финляндию, передав бразды правления миссией В. Минорскому, который, согласно Коростовцу, «был не только проникательным и активным, но и опытным человеком в мусульманских вопросах и владел языками этой страны» (Korostovetz, Vol. II: 230). За Эттером последовали и другие члены русской миссии, в том числе К.К. Таубе. Однако они, по описанию Коростовца, попали, как говорят, из огня да в полымя, то есть из революционных событий в Персии с их сменой кабинетов правительства, *бастами*¹ и прочими событиями в бурлящую Россию. «Все это, – пишет Коростовец, – можно сравнивать с революционным торнадо и волной социального расстройств, пронесшихся над Россией» (Korostovetz, Vol. II: 230).

4. Заключение

В заключение следует отметить, что политические мемуары видного русского дипломата, чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране И.Я. Коростовца «Персидские Арабески» раскрывают многие неизвестные моменты из истории англо-русского противостояния в Персии, а также особенности русской политики в этой стране в период 1913–1917 гг. Наиболее интересной представляется та часть воспоминаний, в которой отражено обострение англо-русских отношений в Персии из-за чрезмерно напористой политики российского посланника в отношении своего английского коллеги сэра Уолтера Таунли.

Ценность этих воспоминаний состоит в том, что их автор, будучи непосредственным участником многих описанных в воспоминаниях событий, откровенен в своих суждениях и старается быть объективным при оценке тех или иных событий, происходивших как в Персии, так и в России во второй декаде двадцатого века. Вместе с тем следует отдать должное его самокритичности, когда он в определенной степени винит себя за ухудшение англо-русских отношений во время своей работы в качестве чрезвычайного посланника в этой стране.

Литература

Ананьич, 1962 – Ананьич Б.В. Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // *Труды Ленинградского отделения Института истории*, 1962. Вып. 4. С. 274–314.

Батсайхан, 2018 – Батсайхан О. Иван Яковлевич Коростовец // *Монголия сейчас*. 22.07.2018.

Бессонов, 1915 – Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915.

Буцалель, 1957 – Буцалель III.С. Воспоминания о службе в Персидской казачьей его величества шаха дивизии // *Наши Вести*, Танжер. № 434/2735.

Дехканнежад, 1988 – Дехканнежад Мортеза. Базхани-йе накш-е банк-е эстекрази дар Иран [Возвращаясь к вопросу о роли Учетно-ссудного банка в экономике Ирана] // *Ганджине-йе аснад*, 1988. Серия 19. Номер 73. С. 15–32 (на персидском яз.).

Зиновьев, 1912 – Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.

¹ *Баст* – место неприкосновенности или убежище, в котором искали защиты угнетенные или преследуемые властями люди. В качестве *баста* могли служить святые места, могилы святых, иностранные дипломатические представительства и т.п. Персидское выражение *баст нешастан*, т.е. «сидеть в басте», означал нахождение в безопасном месте или убежище – примечание Н.К. Тер-Оганова.

- Кавиани, 2020** – *Кавиани Эльхам*. Арбаб Джамшид; куче-йе хазар хатере [Арбаб Джамшид; улица тысяч воспоминаний] // Газета «Хамшахри», 18 абана 1399 г. (8 ноября 2020 г.) (на персидском яз.).
- Коростовец, 1934** – *Коростовец И.Я.* Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам // *Красный архив*. 1934. № 4–5. С. 93–117.
- Мирошников, 1961** – *Мирошников Л.И.* Иран в Первой мировой войне. М., 1961.
- Павлова, 2017** – *Павлова Ирина*. Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // *Всеобщая история*. С. 47–60. DOI: <http://doi.org/10/15688/jvolsu4.2017.2.5>
- Пашуканис, 1935** – *Пашуканис С.* К истории англо-русского соглашения 1907 г. // *Красный архив*. Исторический журнал. 1935. Том 2–3 (69–70). С. 3–39.
- Попов, 1924** – *Попов А.* Страница из истории русской политики в Персии // *Международная жизнь*. Журнал Народного комиссариата по иностранным делам. 1924. № 4–5. С. 139–147.
- Российский, 2019** – *Российский М.* Если недра в будущем останутся за нами... // *Скопинский вестник*. 2019. № 15.
- Рубинштейн, 1946** – *Рубинштейн Н.Л.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1946.
- Сергеев, 2008** – *Сергеев Е.Ю.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // *Восток (ORIENS)*. 2008. № 2. С. 80–93.
- Скиф, 1912** – *Скиф*. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. М., 1912.
- Смирнов, 2002** – *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. С приложениями. Тель-Авив, 2002.
- Тагизаде, 1918** – *Тагизаде Х.* Кашф-е талбис иа доруи ва нейранг-е энглис [Разоблачение обмана, или двурушничество и хитрость Англии] // *Энтешарат-е эдаре-йе Каве*. Берлин. 1918. № 3. (на персидском яз.).
- Ф.Н., 1934** – *Ф.Н.* Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // *Красный архив*. Исторический журнал. 1934. Том 4–5 (65–66). С. 86–93.
- Хохлов, 2012** – *Хохлов А.Н.* Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицикарского протокола 1911 г. // *Общество и государство в Китае*. 2012. № 42–2. С. 259–275.
- Царская дипломатия..., 1926** – Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. // *Красный архив*. Исторический журнал. 1926. Том. 5 (18).
- Denikin, 1973** – *Denikin A.* General. The White Army. Florida. 1973.
- Dudin, 2017** – *Dudin, P.N.* I.J. Korostovetz, "The Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Ugra in 1912 // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 274–284.
- Eskandari-Qajar, 2008** – *Eskandari-Qajar M.* Between Scylla and Charibdis: Policy-Making under Conditions of Constraint in Early Qajar Persia // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London–New York, 2008.
- Fatemi, 1952** – *Fatemi, N.S.* Diplomatic History of Persia. New York, 1917–1923.
- Fisher, 2012** – *Fisher, J.* (2012). British Diplomacy and the Descent into Chaos. The Career of Jack Garnett, 1902–19. Hampshire. 2012.
- Gastone, 2020** – *Gastone C.* Memoires Olga I.Korostovetz (1895–1993). Воспоминания Ольга Ивановна Коростовец. Diario di un'epoca. Torino. 2020. (на итальянском яз.).
- Gastone, 2021** – *Gastone C.* Persian Arabesques. Memoire Politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz [The Political Memoires of Ivan Jakovlevich Korostovetz]. Torino, 2021. [in Italian]
- Great Britain, 1972** – *Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire*. 1689–1971. New York–Toronto–London–Sydney. 1972.
- Ishtiaq, 1974** – *Ishtiaq A.* Anglo-Iranian Relations 1905–1919. Bombay–London–New York. 1974.
- Kazemzadeh, 1968** – *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London, 1968.
- Korostovetz** – *Korostovetz I.J.* Persian Arabesques (no place, no date). Vol. I–II (машинопись).
- Miroshnikov, 1961** – *Miroshnikov L.I.* Iran in the World War I. Moscow, 1961.
- Papers..., 1939–1940** – Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers, 1914–1920. Washington. 1939–1940. Vol.I.
- Shuster, 1912** – *Shuster M.W.* The Strangling of Persia. New York, 1912.
- Sykes, 1930** – *Sykes P.* A History of Persia. London. 1930.
- Ter-Oganov, 2015** – *Ter-Oganov N.K.* A Big Anglo-Russian Compromise and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Bylye Gody*. 2015. 9(3): 158–178.
- Ter-Oganov, 2021** – *Ter-Oganov N.K.* Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 760–775.
- Ter-Oganov, 2021** – *Ter-Oganov N.K.* "Introduzione" – Carlo Gastone. Persian Arabesques. Memorie politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz. Torino: Pathos Edizioni. 2021. Pp. 19–60. (на итальянском яз.).
- The Cambridge History, 1971** – *The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919*. Westport. Vol. III, 1971.
- Wilson, 1930** – *Wilson, A.* Loyalties. Mesopotamia, 1914–1917. London, 1930, Vol. I.

References

- Ananich, 1962** – *Ananich, B.V.* (1962). Uchetno-ssudnii bank Persii v 1894-1907 gg. [Loan and Discount Bank of Persia]. *Trudi Leningradskogo otdelenia instituta istorii*. 4: 274-314. [in Russian]
- Batsaikhan, 2018** – *Batsaikhan, O.* (2018). Ivan Jakovlevich Korostovets [Ivan Yakovlevich Korostovets]. *Mongolia Seichas*. 22.07.2008. [in Russian]
- Bessonov, 1915** – *Bessonov, B.V.* (1915). Russkie pereselentsi v severnoi persii [Russian Migrants in the Northern Persia]. Petrograd. [in Russian]
- Butsalel III, 1957** – *Butsalel, III.S.* (1957). Vospominania o sluzhbe v persidskoi kazachiey ego velichestva shakha divizii [Memoires on the service in the Persian Cossack His Majesty's Division]. *Nashi Vesty*. Tangier. №434/2735. Pp. 15-17. [in Russian]
- Denikin, 1973** – *Denikin, A.* General (1973). The White Army. Florida.
- Dehqannejad, 1988** – *Dehqannejad, Morteza* (1988). Bazkhani-e naksh-e bank-e esteqrazi dar iran [Concerning the Role of Loan and Account Bank in Iran]. *Ganjine-ie Asnad*. 19/73. Pp.15-32 [in Persian].
- Dudin, 2017** – *Dudin P.N.* (2017). I.J. Korostovetz, "The Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Ugra in 1912. *Bylye Gody*. 43(1): 274-284.
- Eskandari-Qajar, 2008** – *Eskandari-Qajar, M.* (2008). Between Scylla and Charibdis: Policy-Making under Conditions of Constraint in Early Qajar Persia. *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London-New York.
- Fatemi, 1952** – *Fatemi, N.S.* (1952). Diplomatic History of Persia. 1917–1923. New York.
- Fisher, 2012** – *Fisher, J.* (2012). British Diplomacy and the Descent into Chaos. The Career of Jack Garnett, 1902–19. Hampshire.
- F.N., 1934** – *F.N.* (1934). Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi voini [Anglo-Russian relations in Persia during World War], *Krasnii Arkhiv*. Moskva. T. 4-5 (65-66): 86-93. [in Russian]
- Gastone, 2020** – *Gastone, C.* (2020). Memoires Olga I. Korostovetz (1895–1993). Diario di un 'epoca. Torino. [in Italian]
- Gastone, 2021** – *Gastone, C.* (2021). Persian Arabesques. Memoire Politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz [The Political Memoires of Ivan Jakovlevich Korostovetz]. Torino. [in Italian]
- Great Britain, 1972** – *Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire*. 1689–1971. New York-Toronto-London-Sydney.
- Kaviani, 2020** – *Kaviani, E.* (2020). Arbāb Jamshid. Quche-ye hazar khātere [Arbāb Jamshid; the Street of thousand memoires]. *Hamshari*. 18 aban 1399 – 8 November, 2020. [in Persian]
- Kazemzadeh, 1968** – *Kazemzadeh, F.* (1968). Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London.
- Khokhlov, 2012** – *Khokhlov, A.N.* (2012). Russkii diplomat I.J.Korostovetz i ego rol' v podgotovke tsitsikarskogo protokola 1911 g. [Russian diplomat I.J.Korostovetz and his role in the preparation of Tsitsikar protocol]. *Obschestvo i gosudarstvo v kitae*. 42 (2): 259-275. [in Russian]
- Korostovetz, 1934** – *Korostovetz, I.J.* (1934). Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi voini. [Anglo-Russian relations in Persia during the World War]. *Krasnii Arkhiv*. 4-5: 93-117. [in Russian]
- Korostovetz** – *Korostovetz, I.J.* Persian Arabesques. Vol.I-II. (Typescript).
- Papers..., 1939–1940** – *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914-1920*. Washington. 1939–1940. Vol. I.
- Pashukanis, 1935** – *Pashukanis, S.* (1935). K istorii deyatelnosti anglo-russkogo soglashenia 1907 g. [Concerning history of the Anglo-Russian agreement of 1907]. *Krasnii Arkhiv*. 2-3 (69-70): 3-39.
- Pavlova, 2017** – *Pavlova, I.* (2017). Iz istorii deyatelnosti uchetno-ssudnogo banka persii [From history of the activities of Loan and Account Bank of Persia]. *Vseobschaia istoria*. Pp. 47-60. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.5>. [in Russian]
- Popov, 1924** – *Popov, A.* (1924). Stranitsa iz istorii russkoi politiki v persii [A Page from the History of Russian Policy in Persia]. *Mezhdunarodnaia zhizn*. 4-5: 139-147. [in Russian]
- Rossiiskii, 2019** – *Rossiiskii, M.* (2019). Esli nedra ostanutsia za nami... [If the bowels of the earth remain with us...]. *Skopinskii vestnik*. 15. [in Russian]
- Rubinshtein, 1946** – *Rubinshtein, N.L.* (1946). Vneshniaya politika Vremennogo pravitelstva [Foreign Policy of the Interim Government]. Moskva. [in Russian]
- Sergeev, 2008** – *Sergeev E.Y.* (2008). "Diplomateskaia revolutsia" 1907 g. v otnosheniakh Rossii i Velikobritanii ["Diplomatic revolution of 1907 in the Relations between Russia and Great Britain"]. *Vostok (ORIENS)*, 2: 80-93. [in Russian]
- Shuster, 1912** – *Shuster, M.W.* (1912). The Strangling of Persia. New York.
- Skif, 1912** – *Skif* (1912). Persidskii vopros. Anglo-russkoie soglashenie, ego osnovnie printsipi i tseli i piatiletnie itogi [A persian question. Anglo-Russian agreement, its main principles and goals and five-year results]. Moskva. [in Russian]
- Smirnov, 2002** – *Smirnov, K.N.* (2002). Zapiski vospitatelia persidskogo shakha. 1907'1914 gg [The Notes of the Persian Shah's Tutor. With applications]. Tel Aviv. [in Russian]

- Sykes, 1930 – Sykes, P. (1930). A History of Persia. London.
- Taqizadeh, 1918 – Taqizadeh, H. (1918). Kashf-e talbis dorui va neirang-e englis [Exposing the Deceit, or England's Double-dealing and Cunning]. Kaveh. Berlin. №3. [in Persian]
- Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov, N.K. (2015). A Big Anglo-Russian Compromise and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar. *Bylye Gody*. 9(3): 158-178.
- Ter-Oganov, 2021 – Ter-Oganov, N.K. (2021). Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia. *Bylye Gody*. 16(2): 760-775.
- The Cambridge History, 1971 – The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919. Westport. Vol. III, 1971.
- Tsarskaia diplomatiya..., 1926 – Tsarskaia diplomatiya o zadachakh rossii na vostokey v 1900 [Tsarist Diplomacy about Russia's Tasks in the East, in 1900]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. T. 5(18). [in Russian]
- Wilson, 1930 – Wilson, A. (1930). Loyalties. Mesopotamia, 1914–1917. London, Vol. I.
- Zinov'iev, 1912 – Zinov'iev, I.A. (1912). Rossia, Angliia i Persia [Russia, England and Persia]. Sankt-Petersburg. [in Russian]

«Персидские Арабески» И.Я. Коростовца об англо-русском противостоянии в Персии, 1913–1917 гг.

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, *}

^a Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В предлагаемой статье дается анализ англо-русского противостояния в Персии, а также политики царской России в отношении этой страны за период 1913–1917 гг. через призму политических мемуаров известного русского дипломата, чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Ивана Яковлевича Коростовца «Персидские Арабески».

Наибольший интерес представляет собой та часть воспоминаний, в которой их автор предстает перед нами в качестве не только активного участника, но и творца русской политики в Персии. Она охватывает его дипломатическую деятельность в Персии в 1913–1915 гг., во время которой, несмотря на старания министров иностранных дел России и Англии сгладить острые углы в двусторонних отношениях, особенно после начала Первой мировой войны (1914–1918), англо-русские противоречия крайне обострились. По признанию И.Я. Коростовца, в ухудшении этих отношений в немалой степени был повинен он сам. Причем все это происходило на фоне активизации турецко-немецкой агентуры в Персии и их альянса с персидскими националистами, до предела осложнявшими жизнь русской и английской дипломатических миссий и угрожавшими интересам этих стран.

В этой же части автор воспоминаний повествует о своей отставке в апреле 1915 г. с занимаемой должности посланника по решению тогдашнего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова и как через несколько месяцев он был назначен управляющим Учетно-ссудным банком Персии в Петрограде и находился на этой должности вплоть до октябрьского переворота 1917 года.

Воспоминания И.Я. Коростовца представляют собой критическое переосмысление внешней политики царской России в Персии, сопровождавшейся традиционным противоборством с Англией за преобладание в этой стране. Причем сравнивая политику России и Англии в Персии, автор воспоминаний приходит к неутешительному выводу о том, что персы были более расположены к Англии, чем к России, из-за ее более агрессивной, захватнической политики.

Ключевые слова: И.Я. Коростовец, У. Таунли, С.Д. Сазонов, русская политика в каджарской Персии в период Первой мировой войны, англо-русские отношения, Учетно-ссудный банк Персии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)